

CENTRAL ASIA
PROGRAM

КОНФЛИКТ НА ЮГЕ КЫРГЫЗСТАНА ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ДЕЙСТВИЯ

РЕДАКЦИЯ: АКСАНА ИСМАИЛБЕКОВА И
ФИЛИПП ЛОТТХОЛЬЦ

Конфликт на юге Кыргызстана десять лет спустя: Перспективы, последствия, действия

Редакция и перевод: Аксана Исмаилбекова и Филипп Лоттхольц

Введение

В июне 2020 года исполняется десять лет конфликту на юге Кыргызстана, получившему название «Ошские» или «июньские события». От немедленных последствий этого конфликта до сегодняшнего дня, сами события, включая факты насилия, убийств, разрушение имущества, а также вопросы участия и ответственности вызвали много спорных интерпретаций. Вопросы о нужных и правильных мерах по прекращению конфликтов и предотвращению новых, и, в долгосрочной перспективе, о правильном пути к примирению сообществ и достижению устойчивого мира стали предметом широких дебатов как внутри Кыргызстана, так и в международных кругах экспертов, ученых и активистов.

На этом фоне данный цикл статей посвящен размышлениям о самом конфликте, его последствиях, его понимании и обсуждении в Кыргызстане и на международной арене. Главная цель нашего обсуждения – сохранить память об этих событиях и повысить осведомленность об их продолжающихся последствиях. Материалы, написанные группой из четырех кыргызстанских и двух иностранных ученых, показывают как личные взгляды, так и анализ огромных изменений, произошедших в результате конфликта. Через эти перспективы цикл статей призван поддержать дебаты внутри Кыргызстана, Центральной Азии и более широкой международной аудитории. Через обсуждение мы стремимся генерировать новые идеи и подходы к решению проблем и напряженности, все еще существующие в пострадавших общинах. Но помимо этих аспектов, данная публикация также нацелена на развитие новых идей и подходов для преодоления напряженности на общественном уровне в Кыргызстане, а также в отношениях с международными партнерами.

Ключевые слова обсуждения - последствия, действия, перспективы – затрагивают все эти важные аспекты. Наверное, самый важный аспект данного обсуждения - это раскрытие разных «перспектив» на сам конфликт, на его последствия и пути к мирному будущему. Цикл статей начинается с двух статей, рассматривающих конфликт и факторы его возникновения. Вводный текст проф. Абылабека Асанканова показывает ключевую роль в возникновении Ошского конфликта дестабилизации страны, в том числе действий клана Курманбека Бакиева, пытавшегося вернуть потерянную в результате апрельской революции власть, а также эффект роста политических и повседневных разногласий между кыргызами и узбеками на юге Кыргызстана. Следующий текст проф. Шавката Атаханова усугубляет этот взгляд через анализ дискурсов в отдельных кыргызстанских СМИ, которые разжигали вражду и разделение на «мы» и «они» между разными, в т. ч. этническими, группами, до Ошских событий, а также изменения в данной сфере после 2010 года. В связи с последним, под вторым аспектом нашего обсуждения, т.е. под «последствиями», имеется в виду, что во

время и после конфликта, жизнь в Оше изменилась на разных уровнях после Ошских событий, например произошло перераспределение пространств, где люди занимаются разными делами, от бизнеса до отдыха. Статья Аксаны Исмаилбековой про «ландшафты безопасности» (англ.: securityscapes) узбеков в Оше – то есть, новые пространства, где люди могут чувствовать себя защищёнными от проблем и атак, которым иначе подвергаются в повседневной жизни - и статья Ника Мегорана про изменения в сфере образования уделяют особенное внимание этому аспекту.

Под третьим ключевым словом - «действия» - имеются в виду различные меры, нацеленные на предотвращение дальнейших столкновений и построение устойчивого мира, начиная от законов и политики и заканчивая безопасностью и другими практиками. В первую очередь, статья Арзуу Шерановой предоставляет обзор многочисленных усилий, которые предприняли международные организации и правительство Кыргызстана, а также ограничения международного сотрудничества в содействии миростроительству и безопасности. Эта статья обсуждает сложности и барьеры, с которыми сталкиваются попытки трансформации конфликтов, и утверждает, что для более устойчивого развития нужно построение и укрепление более конкретного понимания многокультурной и много-этнической нации, согласно термину «кыргыз жараны». Статья Ника Мегорана фокусируется на важности сохранения и поддержки различных меньшинств в Кыргызстане, а также центрально-азиатского региона через обеспечение их прав на образование на собственном языке. Сравнение им вопроса «Ферганской долины» с вопросом земли «Шлезвиг-Гольштейн» на границе Германии и Дании позволяют сделать полезные выводы для политики и повседневной практики. Закрывающая статья Филиппа Лоттхольца вновь возвращается к аспекту «перспективы» через критическую рефлексии над ограниченными возможностями ученых, а также общественности в целом, писать или говорить об «Ошских событиях» и делать четкие и реалистические выводы, которые нужны для устойчивого пути вперед.

В целом, самая важная цель данного обсуждения - думать о будущем и находить общие стратегии взаимодействия и совместного существования всех жителей города без исключения какой-либо конкретной общины и выходя за рамки этнической принадлежности. Для этого абсолютно важно обращать пристальное внимание на то, что делают местные жители в моменты установления мира, потому что они являются единственными акторами в деле сохранения и защиты своих семей, общин и страны. Часто местные голоса игнорируются при вмешательстве извне, поэтому очень важно - не игнорировать местный опыт, практику и голоса, которые лучше всего понимают и знают о построении мира в своих семьях, общинах, городах и стране. Мы надеемся, что данное обсуждение сделает важный шаг к реализации такого подхода, опирающегося на голоса, мнения и перспективы людей, затронутых конфликтом. Будем надеяться, что исследования Ошских событий продолжатся в новых направлениях, добавляя новые перспективы и тем самым способствуя решению существующей проблемы.

Благодарность

Мы хотели бы выразить огромную благодарность Роману Вейцелью за большую помощь в редактировании текстов, а также Нине Багдасарове и Франко Гальдини за комментарии к индивидуальным статьям. Огромное спасибо также Айтолкын Курмановой и Марлен Ларуэль за готовность предоставить платформу для нашего обсуждения, а также за поддержку в окончательной редакции. Помощь с публикацией была оказана Лейбниц-Центром по Изучению Современного Востока (Leibniz-Zentrum Moderner Orient, Berlin) и Центром совместных исследований/Трансрегио 138 «Динамики безопасности» (Collaborative Research Centre/Transregio 138 “Dynamics of Security”, Giessen/Marburg).

Апрельские события и межэтнический конфликт в июне 2010 г.: почему этносы, имеющие общие генетические корни, подняли оружие друг против друга?

Абылабек Асанканов, проф., член-корр. Национальной академии наук Кыргызской Республики

В июне 2010 года произошёл трагический межэтнический конфликт между некоторыми представителями двух крупных этнических общин Кыргызстана – кыргызов и узбеков, в городах Ош и Джалал-Абад, в некоторых других полиэтнических Кара-Суйском, Сузакском, Базар-Коргонском районах Ошской и Джалал-Абадской областей. В результате вооруженных столкновений погибли около 500 человек, как со стороны кыргызов, так и со стороны узбеков (Эркин Тоо 2016). Среди них оказалось немало женщин и детей, ни в чем неповинных граждан Кыргызстана.

Было разрушено и сожжено значительное число домов, государственные здания, бизнес-строения, стране нанесен значительный материальный ущерб. Каждый раз, когда вспоминаешь эти трагические июньские дни 2010 года, невольно задаешь себе вопрос, почему некоторые представители двух братских народов, имеющие общие генетические тюркские корни, проживавшие испокон веков бок о бок, совместно создававшие трудовые коллективы, добивавшиеся успехов, строившие совместные семьи, вдруг встали и подняли оружие против друг друга?

Сколько горя принёс этот межэтнический конфликт представителям двух народов, государству, нанёс непоправимый урон отношениям братских народов, сколько семей осталось без отцов и матерей, без сыновей и дочерей, и сколько наших граждан находится сегодня за пределами страны, вдали от родного дома и очага, избегая возмездия народа и судебного наказания.

Причин межэтнического конфликта на юге Кыргызстана в июне 2010 года было множество. По мнению руководителя Международной комиссии по расследованию этих событий Киммо Кильюнена, существуют разные аспекты кризиса – политический, межэтнический, исторический, культурный и др. Нельзя сказать, что была только одна причина. Действительно, факторами июньских трагических событий 2010 года были, годами накопившиеся, социально-экономические, культурные, межэтнические и другие проблемы, которые руководство Кыргызской Республики, не акцентировали внимание, чтобы их решать своевременно. Эти нерешенные вопросы всплыли на поверхности в кризисный период в обществе, появившееся после исторического события 7 апреля 2010 г.

В то же время июньские события 2010 года имеют прежде всего политические, затем социально-экономические и другие причины, возникшие после апрельских исторических событий, которые привели к конфликту в некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей и г. Оше.

Роль клана Бакиевых и последствий Апрельской революции

Одним из основных непосредственных причин трагических событий в июне 2010 года являются факторы, вытекающие из политических событий 6–7 апреля того же года в стране. Сторонники свергнутого клана Бакиевых решились на смертельную схватку для возвращения потерянной власти. Ибо потерянные полномочия для них были источником легкой наживы, обогащения без особых трудностей за счет государственных ресурсов, а также для разрешения личных вопросов, проблем семьи, а не народа и государства. Лишение власти для них было равносильно потере вышеуказанных легко доступных благ – политической мощи и материальных ресурсов. Низкий уровень жизни населения и коррумпированность семейного клана К. Бакиева стали одной из причин борьбы всех прогрессивных сил Кыргызстана.

Экономическая политика этого клана велась прежде всего для обогащения его членов и окружения за счет народа и государства посредством коррупции, рейдерских захватов чужого имущества, незаконной приватизации госпредприятий, реализации по заниженной стоимости стратегических государственных высокорентабельных объектов тяжелой и горной промышленности, гидроэнергетических ресурсов. Семейный клан, вопреки законодательству и нормам морали начал незаконно присваивать прибыльные предприятия страны – компании в горной промышленности, в телекоммуникационной, транспортной, гидроэнергетической, нефтеперерабатывающей, ликёро-водочной отрасли, образующие значительную долю доходов государственного бюджета. И это при том, что все названные отрасли по Конституции являются прерогативными для исполнительного органа страны – Правительства.

Вышесказанное подтверждает следующее обстоятельство, что в начале июня 2005 г. был подготовлен проект Указа И. О. президента КР К. Бакиева «О создании устойчивой системы корпоративного управления в Кыргызской Республике», который имел целью распределить властные полномочия между будущими президентом и премьер-министром страны («Лица» 2005). Газета «Лица», ссылаясь на информагентство «Белый пароход», привело полный текст проекта Указа (там же). В соответствии с ним, руководители многих ведущих предприятий страны должны были представляться и назначаться лично президентом, хотя, как известно, промышленный блок всегда оставался в ведении правительства (там же). По решению К. Бакиева список промышленных предприятий, которые бы лично контролировал президент увеличивался с 15 до 35 (там же). Среди них были такие крупные объединения с большими бюджетами как «Кыргызтелеком», «Национальная электрическая сеть», «Карабалтинский горнорудный комбинат», «Кыргызалтын», «Кыргызнефтегаз», «Учкун», аэропорт «Манас» и другие (там же).

Межэтнические конфликты в такой полиэтнической стране как Кыргызстан были своеобразным «инструментом» в руках клана Бакиевых и их сторонников в борьбе за власть и реванш у нового правительства. Семья свергнутого президента и их сторонники сначала осуществили попытки в апреле и мае 2010 года разжечь межэтнические конфликты в полиэтническом регионе страны – в Чуйской области. Вокруг города Бишкек происходили массовые захваты земельных участков, несмотря на усилия городских властей и выражении

недовольства общественности Кыргызстана. 19 апреля 2010 года в селе Маевка Аламудунского района Чуйской области распоясавшиеся молодчики, в основном кыргызы, незаконно захватывали земельные участки, принадлежавшие местным жителям – этническим туркам и русским. Лозунг захватчиков земельных участков был националистического и провокационного характера: «Кыргызы на своей Родине без земли». В результате беспорядков межэтнического характера погибло 5 человек и около 30 получили ранения различной степени тяжести. Несмотря на огромные трудности, с большими усилиями Временное Правительство КР, совместно с общественностью страны сумели остановить кровопролитие в Чуйской долине и в пригородах Бишкека.

В этот же день, 19 апреля сторонники К. Бакиева без особых трудностей захватили здание Государственной администрации Джалал-Абадской области. Такие же попытки обострения обстановки наблюдались в селах Александровка, Ново-Покровка и в городе Токмак. Я согласен с мнением, которое выражается в Комментариях правительства Кыргызстана к отчету Международной независимой комиссии, что совпадение по времени захвата Джалал-Абадской государственной администрации сторонниками К. Бакиева и массовые беспорядки с человеческими жертвами в Чуйской области было не случайным (Президент КР 2011: 7). Межэтнические конфликты, в свою очередь, должны были породить недовольство среди населения, ослабить дух и силу Временного Правительства, которое, в конечном счете, должно было сойти с политической арены страны. Однако, в апреле 2010 года реваншистам не удалось разжечь большой конфликт в Чуйской области и в Бишкеке.

Далее, 19 мая 2010 года был опубликован разговор между Максимом и Жанышем Бакиевыми, в котором они поднимали вопрос о вербовке 500 боевиков для организации переворота в столице, или, хотя бы, для того чтобы представить в глазах внутренней и мировой общественности слабость Временного Правительства и его невозможность управлять государством и народом, показать нелегитимность этой власти, пришедшей «вооруженным и незаконным» путем. Данный телефонный разговор, перехваченный службой безопасности, косвенно свидетельствует о том, что клан Бакиевых имеет определенное отношение к организации провокаций межэтнических конфликтов как в Чуйской долине (май 2010 г.), так и в некоторых районах Ошской, Джалал-Абадской областей и в городе Ош (май – июнь 2010 г.). Итак, основной непосредственной причиной июньской трагедии 2010 года в городе Ош, в некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей явилась борьба за власть между семейным кланом К. Бакиева, его сторонниками и Временным Правительством Кыргызской Республики. Межэтнический конфликт был инструментом в руках свергнутого президента и его сторонников для возвращения прежней власти и реванша. Одним словом, если бы в Кыргызстане не было революции 7 апреля 2010 года, то не произошло бы и июньской трагедии.

Общественно-политическая ситуация после апрельских событий, в целом по республике, в особенности на юге Кыргызстана, была очень сложной. Как утверждали члены депутатской комиссии Временное Правительство по приходу к власти на волне апрельской революции, «не сумело выработать механизмы по распространению своего реального влияния на город Ош, Ошскую и Джалал-Абадскую области. Назначенные им главы облгайрадаминистратий и силовых структур не имели соответствующей профессиональной

подготовки и опыта управленческой работы» (Жогорку Кенеш 2011: 197). Экс-Омбудсмен Кыргызской Республики Т. Акун заявлял, что ситуация на юге страны начала накаляться после апрельских событий. Её подогревали некоторые заинтересованные в дестабилизации политические фигуры, а Временное Правительство не смогло вовремя на это отреагировать. Одной из причин межэтнических конфликтов стала неспособность правительства защитить своих граждан вне зависимости от их национальности (Мурзакулова и Жорокулов 2014: 131).

Разбираясь в причинах неэффективности действий Временного Правительства, местных органов государственной власти, правоохранительных органов, спецслужб, силовых структур, направленных на разрешение конфликтов и снижение конфликтного потенциала в местах, где происходили столкновения, Временная депутатская комиссия Жогорку Кенеша Кыргызской Республики сделала вывод о том, что изучение и анализ развития общественно-политической ситуации не был проведен, был осуществлён лишь формальный мониторинг и констатация поверхностных проблем. Также действия Временного Правительства, направленные на недопущение межэтнических конфликтов, особенно накануне июньской трагедии, не соответствовали сути проблемы, поэтому и не имели желаемого результата (Жогорку Кенеш 2011: 182).

Исследователь из Оксфордского университета David D. Laitin в своей книге «Nation, States and Violence» («Нации, государства и насилие»), изучив многочисленные межэтнические конфликты и войны, происходившие в различных странах мира, приходит к очень важному выводу о том, что межэтнические конфликты происходят там, где государство и его управленческие структуры являются слабыми, где они не могут обеспечить безопасность населения, где законы не работают (Лэйтин 2007: 21).

Рабочая группа ГКНБ, МВД, Генеральной Прокуратуры Кыргызской Республики при участии специалистов Аппарата Президента, Секретариата Совета обороны Кыргызской Республики также сделали вывод о том, что Временное Правительство не располагало достаточными политическими и силовыми ресурсами для противодействия масштабным провокациям в виде межэтнических столкновений (Президент КР 2012: 37). О.Ч. Текебаев и М.К. Укушов повторяют идею об отсутствии в распоряжении Временного Правительства достаточных политических, финансовых и силовых ресурсов для противодействия столь масштабным провокациям (Текебаев Укушов 2016: 388). Исследователи Международной Федерации прав человека отметили, что из-за слабости государства и царящей безнаказанности провокаторы смогли достичь своих целей (FIDH 2010: 23). Высказанная тысячу лет тому назад Жусупом Баласагыном в книге «Благодатное знание», идея о том, что при сильной власти исключаются хаос и распри, оказалась совершенно верной (Баласагын 1993: 180).

Возникновение конфликтов на юге страны

Первые столкновения между кыргызами и узбеками были спровоцированы деструктивными криминальными элементами из числа граждан кыргызской национальности города Ош. В частности, 30 апреля 2010 года примерно в 13 часов в городе, на территории разгрузочной железнодорожной станции Ош-2, произошла стычка между криминалитетом г. Ош и Ошской

области, состоящим, в основном, из членов кыргызской общины и предпринимателями узбекской национальности Б.И. Кадырахуновым и Ж. Боходировым, которые занимались перевозкой автомашин из-за рубежа и реализацией их на местных рынках. На станции последние отказались платить «дань» криминальной группе, требовавшей от них определенную денежную сумму с каждой пригоняемой автомашины из Южной Кореи. По данным Центра защиты прав человека «Кылым шамы», с каждого автомобиля требовали до 500 долларов США (2012: 3). После словесной перепалки произошла драка между деструктивной криминальной группой и бизнесменами-узбеками. На «помощь» группировке приехали около пятнадцати ее членов-кыргызов. Однако, из-за оперативного вмешательства сотрудника военизированной охраны железнодорожной станции противостояние не переросло в крупную драку на криминальной, а также этнической почве. Seriously пострадавших не было, но со стороны бизнесменов-узбеков и их сторонников осталась обида к криминальной группировке, состоявшей, в основном, из числа кыргызских молодых парней. Перед уходом деструктивные элементы пригрозили предпринимателям мстостью в ближайшем будущем¹. Как показали наши полевые исследования, предприниматели из узбекской общины, занимавшиеся перегонкой автомашин из Южной Кореи с целью реализации на местных рынках, давно и традиционно платили «налоги» представителям криминальной группы. Однако, после совершенного апрельского исторического события, предприниматели из узбекской общины, поверившие в установление справедливости, в то, что Временное Правительство поддержит порядок и закон, и не будет выплачиваться незаконная дань деструктивным элементам, отказались платить «налоги». Это была «пощёчина» криминалитету со стороны представителей узбекских предпринимателей, которая стала «спусковым крючком» для мобилизации молодежи двух сторон – кыргызской и узбекской друг против друга. Криминальная группа сумела противопоставить определенную часть кыргызского населения, в особенности молодежь, против представителей узбекской общины. В этом помогла, безусловно, оппозиционно настроенная против Временного Правительства часть кыргызского населения.

Именно эти «разборки» между отдельными кыргызами из криминальных групп и бизнесменами-узбеками, вытекающие отсюда митинг части узбекской молодежи, и принятое ими решение о консолидации своих сил в борьбе против криминальной группы, дали старт для мобилизации молодежи этнических узбеков, как реакция на происходящее в обществе по отношению к ним. Упомянутый выше митинг стал отправным пунктом для вереницы новых многочисленных митингов этнических узбеков, состоявшихся в мае и в начале июня, мощным толчком для формирования «молодежных гражданских отрядов», «групп поддержки» на случай «встреч» кыргызской и узбекской молодежи или с правоохранительными органами. Как отмечали многочисленные интервьюеры и беседовавшие со мной узбеки из числа молодежи в период работы Национальной комиссии на юге Кыргызстана, а также в последующие годы, в сложившейся ситуации они полностью

¹ Полевые материалы А. Асанканова. – Ош, август 2010.

потеряли надежду на «помощь» правоохранительных органов и надеялись только на самих себя².

Отдельные средства массовой информации, в частности, как кыргызскоязычные, так и узбекскоязычные, сыграли роль в усилении напряженности в межнациональных отношениях между кыргызами и узбеками, они способствовали мобилизации рядовых граждан двух этнических общин. Средства массовой информации за короткий срок сумели в известной степени противопоставить представителей двух этнических общин друг другу. В данной статье мною рассматриваются только те публикации и передачи в СМИ, которые имели место до июньских трагических событий 2010 года и, в известной степени, нагнетали и без того сложную межэтническую обстановку того времени.

Публикации и материалы периода трагических событий и после них требуют отдельного анализа и исследования, они обсуждаются в следующей статье Шавката Атаханова. Как он показывает, в частности, узбекскоязычные «Ош-ТВ» и «Мезон-ТВ» в мае и июне системно, чуть ли не каждый день передавали без комментариев выступления лидеров узбекской общины, где они призывали бороться против власти К. Бакиева и его сторонников, активно принимать участие в общественно-политической жизни страны, требовать предоставления узбекскому языку статуса официального в местах компактного проживания узбеков и большей представленности их во властных структурах, в особенности, в силовых. Эти трансляции без комментариев, анализа и оценки сыграли исключительную мобилизующую роль для представителей узбекской общины, в особенности молодежи. Эти действия представителей из узбекской общины, и, одновременно, были приняты как «покушение на права кыргызской нации» и «заявка на автономию и разделение» кыргызским населением, в частности на юге (Абашин 2011).

Кроме того, в отдельных кыргызскоязычных газетах были опубликованы статьи и интервью некоторых кыргызских известных личностей, в которых содержались идеи оскорбительного характера и тона в отношении других этносов, проживающих в Кыргызстане, в том числе и узбекской общины. Эти публикации кыргызскоязычных газет породили обиды и досаду со стороны узбекской общины.³

В конце 2010 года в Бишкекском Пресс-клубе состоялся «круглый стол» по теме «2010: Какие уроки должны быть извлечены журналистами, освещающими политические конфликты?», на котором были презентованы итоги исследования, проведенные Агентством Социальных технологий по материалам кыргызскоязычных, узбекскоязычных и русскоязычных СМИ. Участниками этого форума было отмечено, что в июньской трагедии «СМИ Кыргызстана были виноваты отчасти», системно публикуя тезисы об этнической «несовместимости», «нетерпимости», «постоянной вражде», разделяя этнические сообщества страны на «мы» и «они», «свои» и «чужие», – говорит М. Яновская (Яновская 2010). Я также согласен с выводами «круглого стола» о том, что некоторые июньские публикации средств массовой информации и журналистские тексты напоминали листовки и пропагандистские прокламации.

² Там же.

³ Материалы Национальной комиссии. Полевая тетрадь А. Асанканова

Непосредственное начало конфликта

Организаторы и провокаторы столкновений наконец-то добились долгожданной цели, организовав конфликт возле гостиницы «Алай» 10 июня. Это событие дало импульс дальнейшему стремительному развитию конфликта, который перерос в крупное межэтническое противостояние.

Начало вооруженного конфликта: Неподалеку от гостиницы «Алай» по улице Курманжан-Датка находится продуктовый магазин. 10 июня 2010 года между 22 и 23 часами в магазин зашли несколько парней-кыргызов спортивного телосложения, приобрели продукты. Продавец узбекской национальности, подсчитав общую сумму приобретенного товара, попросил оплаты. Однако, вместо того, чтобы заплатить деньги за приобретенный товар, один из посетителей ударил продавца, потом они вышли из магазина и уехали в сторону гостиницы «Алай». Узнав по мобильным телефонам об этом инциденте, быстро собралась молодежь из узбекской общины и тоже направилась в сторону гостиницы «Алай» в поисках виновных кыргызских парней.

Имеется информация у Национальной комиссии по итогам опроса населения г. Ош и о том, что в зале игровых автоматов «24 часа», находящемся по ул. Курманжан-Датка, посетитель-узбек, проигравший крупную сумму денег, инициировал драку с кыргызской молодежью. Толпа людей узбекской национальности собралась возле гостиницы «Алай» г. Ош. Вскоре слухи о начавшихся столкновениях между кыргызами и узбеками близ гостиницы «Алай» и призывы о помощи широко распространились среди узбекского населения г. Ош. Узбеки, принимавшие участие в конфликте, стали вызывать по мобильным телефонам, стуча по отопительным, водяным и газовым трубам в домах и многим другим каналам своих друзей и знакомых. Примерно через полчаса к перекрестку подошла большая группа узбеков, численность которой очевидцы оценивают от 300 до 500 человек. Толпа сконцентрировалась по ул. Курманжан-Датка, севернее перекрестка с ул. Навои. Люди были возбуждены, что-то выкрикивали, но не предпринимали каких-либо агрессивных действий (Правозащитный Центр «Мемориал» и др. 2012: 28).

Вооруженная палками, железными прутьями и камнями толпа быстро росла и к 24.00 часам достигла примерно 2–3 тысяч человек. Некоторые очевидцы, давшие интервью авторам данного исследования, считают, что их количество доходило до 4-5 тысяч. Это, в основном, была молодежь близлежащих районов, в частности жители «Шейит Добо», которые возбужденно требовали наказать виновных в драке в магазине, а также вернуть деньги хозяину. В то же время, митингующие требовали наказать руководителей криминальных групп из кыргызов, облагающих «налогами» предпринимателей-узбеков, представителей правоохранительных органов города и области, которые необоснованно останавливают водителей-узбеков и штрафуют последних. Никто никого не слушал, было много выкриков, люди вели себя очень агрессивно, не было единого лидера и системно выстроенных требований.

Все структуры государственной власти области, города, правоохранительные органы – сотрудники управления внутренних дел, внутренних войск, министерства обороны, ГСНБ и мн. др. были подняты по тревоге и начали собираться возле гостиницы «Алай». Были

приняты оперативные меры по приведению в боевую готовность военных частей, введению усиленного режима правопорядка и законности в городе и охраны границы. К месту событий были направлены Специальный отряд быстрого реагирования (СОБР), сотрудники которого прошли подготовку в рамках проекта ОБСЕ, и батальон патрульно-постовой службы УВД области. В связи с осложнением обстановки из резерва стали выводиться и другие подразделения. К гостинице «Алай» были также направлены военнослужащие внутренних войск, а также БТР Министерства обороны Кыргызской Республики. Эти силы сконцентрировались в районе филармонии.

Со стороны властей – городских, областных и силовых структур была попытка пойти на переговоры с некоторой агрессивно настроенной частью толпы, однако протестующие не шли навстречу. В частности, общение с толпой продолжалось около двух-трех часов. По словам полковника, бывшего заместителя УВД Ошской области, узбека по национальности, хорошо знающего узбеков города Оша, Шакира Зулимова, давшего показания Национальной комиссии, в толпе находились неизвестные мужчины в черных футболках, которые срывали попытки переговоров с правоохранительными органами и провоцировали толпу на активные действия. Сотрудник УВД города Ош также отметил присутствие «не ошских узбеков», которые совершали акты насилия вплоть до разгона толпы около 2 часов ночи. Из-за того, что во время беспорядков был отключен свет, разглядеть их не удавалось. Ш. Зулимов обратился к собравшимся со словами: «Ребята, среди вас есть провокаторы. То, что вы говорите – это слова этих провокаторов. Постарайтесь не упустить их. Скорее всего, то, что машины подожжены – тоже дело рук провокаторов.» (Правозащитный Центр «Мемориал» и др. 2012: 28).

Таким образом, июньские трагические события, происходившие в г. Ош и некоторых районах Ошской и Джалал-Абадской областей, являются делом рук провокаторов, нанятых противниками Временного Правительства, которые стремились показать Кыргызстану и мировому сообществу его неспособность управлять государством и дискредитировать новые власти страны. Однако, как показал вышеприведенный анализ, провокаторы были и со стороны узбекской, и со стороны кыргызской общин, и они совершали нарушения прав людей как в преддверии, так и во время самого конфликта с целью дестабилизации страны и дискредитации последствий Апрельской революции.

Библиография

Абашин, Сергей (2011) Национальное строительство в Кыргызстане и проблема узбекского меньшинства, ИА Фергана, 12.10.2011, вход выполнен 08.06.2020, <http://www.fergananews.com/article.php?id=7126&print=1>

Баласагын, Жусуп (1993) *Куттуу билим [Благодатное знание]*, Бишкек: НИК.

Жогорку Кенеш (2011) Отчет о работе Временной депутатской комиссии Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, Бишкек.

Газета «Лица» (2005) Выпуск 11 июня 2005 г.

Лэйтин, Дэвид (2007) *Нации, государства и насилие [Nations, States, and Violence]*, Норфолк: Пресса Оксфордского университета.

Мурзакулова, Асель и Абдираим Жорокулов (2014) Ошские события 2010 года: уроки для будущего // *Опыт Кыргызской Республики в управлении кризисными ситуациями: уроки для будущего. Альманах № 2*, под ред. Аиды Алымбаевой и Тодоры Тагаревой. Женева-Бишкек-Рига-София, 127-154.

Правозащитный Центр «Мемориал», Норвежский Хельсинский Комитет и Freedom House (2012) Хроника насилия: события июня 2010 г. в южном Кыргызстане (Ошский регион), Осло, Норвегия: Норвежский Хельсинский Комитет, <https://www.nhc.no/en/a-chronicle-of-violence-report-details-june-2010-events-in-kyrgyzstan/>

Президент Кыргызской Республики (2012) «Об обстоятельствах и хронологии трагических событий мая-июня 2010 года в городах Ош, Джалал-Абад, отдельных районах Ошской и Джалал-Абадской областей. Информация об исполнении пункта 3 Указа Президента КР «О неотложных мерах по укреплению общественной безопасности в Кыргызской Республике» от 1 февраля 2012 года», Бишкек.

Текебаев, Омурбек и Укушов, Мурат (2016) *Временное Правительство Кыргызской Республики (7 апреля - 21 декабря 2010 г.): События, деятельность, оценки*, Бишкек: KIRLand.

Центр защиты прав человека «Кылым шамы» (2010) Роль органов власти в период событий июня 2010 года в Кыргызстане: Доклад, Бишкек: «Жанар-Электроник».

Газета «Эркин Тоо» (2016) Интервью с А.Абдирасуловой, 10.06.2016.

Яновская, Мария (2010) Кыргызстан: Июньская трагедия 2010 в зеркале СМИ, ИА Фергана, 29.12.2010, вход выполнен 08.06.2020, <https://www.fergananews.com/articles/6854>

FIDH (Международной Федерации прав человека) *Кыргызстан. Гражданское общество и слабое государство в урагане политической нестабильности*, Бишкек: FIDH.

Язык комментариев на сообщения СМИ как барометр современного состояния межэтнических отношений в Кыргызстане

Шавкат Атаханов, кандидат исторических наук, Южное отделение Национальной академии наук Кыргызской Республики

В июне этого года исполняется 10 лет трагическим событиям 2010 года в Кыргызстане. В первые годы после них имели место определённые проблемы в смягчении напряженности между «этносомами, схожими этногенетически, по языку, по религии и традициям – кыргызами и узбеками» (Атаханов 2014: 114). Для улучшения ситуации в сфере межнациональных отношений и недопущения межэтнического конфликта правительством Кыргызской Республики принимался ряд мер в данном направлении и даже был образован специальный орган Государственного агентства по делам местного самоуправления и межэтнических отношений при Правительстве Кыргызской Республики, а также Мониторинговый центр по раннему предупреждению межэтнических конфликтов в стране. Была принята Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы (Президент КР 2013). Благодаря этому в обществе установилась относительная стабильность в сфере межэтнических отношений и наладилось взаимное доверие между гражданами различных национальностей. Представители кыргызской и узбекской общин продолжают жить вместе и работать в одном коллективе бок о бок, занимаясь созидательной деятельностью. Они ходят друг к другу в гости, вместе справляют праздники, торжества, свадьбы и так далее. А звучание кыргызских песен и музыки на узбекских свадьбах, и, наоборот, узбекских песен и музыки на кыргызских свадьбах, говорит об улучшении межкультурных взаимоотношений между двумя братскими народами.

Таким образом, в целом, в стране в сфере межэтнических отношений произошли позитивные шаги, в том числе и на юге Кыргызстана. Благодаря усилиям государства и общественности вот уже десять лет Кыргызстан живет в условиях мира и согласия, нет крупных межэтнических конфликтов, если не считать мелких бытовых споров. Практика показывает, что в улучшении или ухудшении ситуации в сфере межэтнических отношений не последнюю роль играют и средства массовой информации: радио, телевидение, газеты, электронные сайты информационных агентств и страницы различных социальных сетей. В данной работе анализируются высказывания некоторых граждан Кыргызстана в социальных сетях страны.

Результаты исследования июньских материалов кыргызстанских СМИ Агентством Социальных Технологий при поддержке ОБСЕ в 2011 году показывают интересную картину. В нем было отмечено, что «нетерпимость стала главной эмоциональной составляющей в кыргызоязычных СМИ. Конфликт... раскрашивался в самые кровавые краски, преподносился без всяких норм журналистской этики и человеческой морали, нравственности, подливая масло в огонь, заставляя людей позиционироваться и разделяться на группы «Мы» и «Они». Медийное пространство социализировало население в терминах вражды, насилия и противостояния... Язык вражды кыргызстанских журналистов

прямолинейен, жесток, безапелляционно требующий бить всех, кто не «Мы». «Вне зависимости от того, какая классификация используется, правилом является то, что одна из сторон («Мы») снабжается позитивно оцениваемыми качествами, а другая («Они») оценивается негативно» [2.4].

Схожее мнение можно найти и в отчете Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года. В нём указано, что «существуют некоторые доказательства, которые указывают, что СМИ играли негативную роль в смысле поддержания пламени этнического антагонизма по ходу событий. В схожей степени они слишком редко вносили вклад в конструктивные пути обсуждения межэтнических вопросов внутри общества. В период после июньских событий СМИ фасилитировали распространение этнически нагруженных слухов и, похоже, сделали довольно мало для обеспечения того, чтобы некоторые истории были основаны на реальности» (Международная независимая комиссия 2011: 26).

Острый язык вражды на страницах официальных средств массовой информации Кыргызстана в последующих годах, благодаря усилиям государственных органов, постепенно уменьшается, но среди отдельных членов двух этносов еще сохраняется атмосфера недопонимания, и она проявляется в виде комментариев на информационные сообщения.

В свое время, журналист У. Бабакулов в своей статье писал о комментариях некоторых пользователей, унижающих представителей другой национальности. По его словам, «когда в интернете пишут о главе государства, спецслужбы оперативно вычисляют пользователей, посмеявших [высказать критику](#) в адрес президента. Но когда стоит вопрос об угрозе государственной безопасности из-за призывов в соцсетях к межнациональной розни, спецслужбы или делают вид, что ничего не замечают, или действительно не видят» (Бабакулов 2017). По словам кыргызского публициста Нарын Айыпа, «Бабакулов поднял на самом деле острую проблему. В «Фейсбуке» и других социальных сетях есть национализм. После того, как он поднял эту тему, как минимум, его должны были позвать, поговорить о совместных действиях, о путях решения проблемы. Но, к сожалению, человека, поднявшего проблему, делают виновным» (Асанов 2017).

Контент-анализ некоторых сообщений и видеосюжетов, выложенных на страницы социальных сетей и освещающих события, в которых участвуют представители двух этносов, в некоторой степени доказывает правоту У.Бабакулова и показывает, что уровень этнической неприязни сторон достаточно высок. Так, 29 августа 2019 года на страницах многочисленных сайтов и на страницах информационных агентств кыргызского сегмента был опубликован видеосюжет инцидента с участием пьяного вице-мэра города Оша, этнического узбека и инспекторами государственной автоинспекции (ГАИ) – представителями кыргызской общины.⁴ Этот видеоролик мгновенно был распространён различными кыргызоязычными информационными агентствами, а также многочисленными пользователями на страницах Фейсбука, Ютуба и других социальных сетей, что создало

⁴ Оштун вице-мэри менен инспекторлордун жоругу видеодо. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=x89B3lzigA> [Дата обращения 31.05.2020]

резонанс в интернет-пространстве. Так, информационное агентство «Спутник Кыргызстана» выложило этот видеосюжет на канал Ютуб под названием «Поведение инспекторов ГАИ с вице-мэром Оша» на кыргызском языке. Данный видеосюжет был снят с помощью мобильного телефона со стороны инспектора ГАИ и в нем есть слова, доказывающие высмеивание сотрудниками вице-мэра. Всего на данное видео оставлено 22 комментария на кыргызском языке. Контент-анализ показал, что против действий инспекторов ГАИ оставлено 4 комментария, против действий вице-мэра – 10, в защиту чести вице-мэра – 4, нейтральных – 4.

Человек, оставивший комментарий в защиту вице-мэра под ником «zagi zagi», вежливо призывал комментаторов не делить людей по этническому признаку, цитируя слова пророка Мухаммеда из хадисов «кто делит людей по нации, тот не из нас». На этот призыв комментатор, некая «Назгул Садирова», ответила нецензурной бранью и термином, унижающим национальную честь и достоинство узбекской общины. Этот же видеосюжет, скопированный с сайта Reporter.kg под названием «Вице-мэру Оша за вождение автотранспорта был наложен штраф в 17500 сомов» 30 августа 2019 года был выложен на кыргызском языке в группе «Оштуктар» на странице в Фейсбук пользователем под ником «Кыргызбай Койчуманов».⁵ Под сообщением было оставлено 111 комментариев на кыргызском языке. Их анализ показал следующие результаты: комментарии, поддерживающие действия инспекторов ГАИ – 19 (17,1%), осуждающие действия ГАИ – 8 (7,2%), поддерживающие вице-мэра – 4 (3,6%), враждебны в отношении действий вице-мэра – 37 (33,33%), из них со словами, оскорбляющими национальную принадлежность героя видео – 12 (10,81%), имеющие нейтральный характер – 43 (38,73%). Данный видеосюжет набрал самое большое количество комментариев в тот же день, когда он был выложен на Ютуб под ником «Акыркы Кабарлар - Санжар Калматай». За короткий период данный видеосюжет набрал 980 комментариев.⁶

Стоит отметить немаловажный факт, что вице-мэра г. Оша на видео снимали сотрудники ГАИ. Во-первых, по закону, они поступили правильно, задержав водителя-нарушителя. Во-вторых, на видео есть слова, доказывающие высмеивание ими вице-мэра. Такого случая невозможно было до сих пор найти на страницах социальных сетей Кыргызстана. Исходя из этого, часть комментаторов предположила, что данный инцидент был заранее спланирован. Поэтому имеется и комментарий, осуждающий действия сотрудников Министерства внутренних дел. Кроме того, эти действия сотрудников ГАИ не соответствуют служебной этике. К этому можно добавить еще тот факт, что кыргызстанское общество не очень симпатизирует сотрудникам ГАИ. Большинство комментариев показали нейтральную позицию, а 135 комментаторов недоумевали, почему

⁵ Мас болуп унаа башкарган Оштун вице-мэрини 17 500 сом айып пул салынды. – URL: <https://m.facebook.com/groups/750955798399638?view=permalink&id=1272191259609420> [Дата обращения 31.05.2020]

⁶ Оштун вице-мэри мас болуп унаа айдап кармалган видео тарады | – URL: [#ЭлдикВидеоКабар.https://www.youtube.com/watch?v=yg0XMZjPjzE&t=10s](https://www.youtube.com/watch?v=yg0XMZjPjzE&t=10s). [Дата обращения 31.05.2020]

представитель узбекской общины занимает столь высокий пост в городе и выражали свое недовольство, некоторые даже требовали немедленно снять его с должности и поставить на его место представителя кыргызской общины. 123 человека выразили возмущение по поводу вождения автотранспорта в нетрезвом состоянии чиновником, указывая на несоответствие занимаемой им должности. Среди них имелись и 4 комментария на узбекском языке, осуждающие вице-мэра. Поддерживали его 11 человек: из них 4 на узбекском, 3 на русском и 4 на кыргызском языке. Действия инспекторов ГАИ похвалили 62 комментаторов, 46 были против них. Призыв не делить людей по национальному признаку выразили 30, и к толерантности 6 комментаторов. В 42 отзывах в отношении героя видео употреблены слова, унижающие национальную честь и достоинство другого этноса.

Анализ другого видеосюжета, выложенного на странице в Фейсбук каналом Next TV от 7 апреля 2020 года под названием «Уроженец Жалал-Абада конфликтовал с людьми, раздающими продовольствие»⁷ на кыргызском языке, тоже обнаруживает серьёзный уровень неприязни между отдельными представителями двух общин. Так, из 246 комментариев 226 были опубликованы на кыргызском, 12 на русском, 3 на узбекском, 1 на казахском языках, 4 человека вместо комментариев оставили видеоролики или смайлики, осуждающие действия героя видео. Среди комментариев оскорбительные слова, унижающие национальную честь и достоинство героя видео встречаются 21 раз, высказывания с оскорблениями данного героя нецензурными словами 11 (9 на кыргызском, 1 на русском и 1 на казахском языках), отзывы, содержащие оскорбления нецензурными словами в отношении кыргызоязычных комментаторов на узбекском – 2, комментариев, призывающих к межнациональной толерантности – 3 (на кыргызском 1, на узбекском 1, на русском 1), нейтральные комментарии – 13 (на кыргызском 9, на русском 4), комментарии призывающие к расправе над героем видео на кыргызском – 11, комментариев с осуждениями героя – 52 (46 на кыргызском, 4 на русском и 2 на узбекском), осуждение действий героя видео с акцентом на его этническую принадлежность – 26 (24 на кыргызском и 2 на русском).

Язык вражды обостряется в комментариях, оставленных на сообщения, в которых речь идет о трагических событиях 2010 года и особенно она резко поднимается, когда упоминаются имена отдельных лиц узбекской национальности, которых власти считают виновниками конфликта. Один из них, известный журналист и правозащитник узбекского происхождения, Азимжан Аскарров был подвергнут уголовному преследованию и был осужден на пожизненное заключение за организацию массовых беспорядков, разжигание межнационального конфликта и за убийство сотрудника милиции. Его имя часто упоминается на страницах различных СМИ из-за долгих судебных тяжб, продолжающихся по сей день. Имя Азимжана Аскаррова на страницах СМИ раздражает многих представителей кыргызской общины и, поэтому, каждый раз, когда в сообщениях поднимается вопрос, связанный с ним, то непременно под ним оставляют комментарии с оскорблениями, призывами к расправе и тому подобное. Например, это можно видеть в последнем событии,

⁷ Жалал-абаддын тургуну азык-түлүк таратып жүргөндөргө жолугуп калып уруш чыгарды. [com/story.php?story_fbid=1080241095708171&id=405803013120745&sfnsn=wa&d=w&vh=e](https://www.nexttv.com/story.php?story_fbid=1080241095708171&id=405803013120745&sfnsn=wa&d=w&vh=e). [Дата обращения 031.06.2020]

произошедшем с участием А.Аскарова, когда 14 апреля 2020 года на канал Ютуб был выложен видеосюжет под названием «Выйдет ли Азимжан Аскарков из тюрьмы?» (Аскарков 2020) на кыргызском языке, скопированный со страницы информационного портала «Багыт». В видеосюжете сообщается об обращении ряда международных правозащитных организации на имя президента Кыргызстана с просьбой освободить А. Аскаркова из мест заключения. Контент-анализ комментариев, оставленных под видеосюжетом, говорит о серьёзном уровне неприязни к такой категории людей со стороны отдельных представителей кыргызской общины. Так, из 69 оставленных комментариев на кыргызском языке, против его выхода из тюрьмы высказались 59 (85,50%) человек, из этого числа террористом его называли – 6 (8,69%), желающие ему смерти – 9 (13,0%), оскорбившие его нецензурными словами – 12 (17,19%), словами, оскорбляющими его национальность – 1 (1,45%), нейтральные – 9 (13,0%), в его защиту – 1(1,45%).

Анализ содержания комментариев показывает, что на страницах соцсетей среди отдельных пользователей еще сохраняется атмосфера ксенофобии и национализма. Парадоксально, но факт, что в комментариях, оставленных представителями этнического меньшинства или на их языке меньше ксенофобии и большее призывов к толерантности. Сравнивая результаты контент-анализа всех этих комментариев в социальных сетях Кыргызстана можно сказать, что уровень языка вражды разнится в зависимости от обстоятельств событий, содержания и характера материалов, от языка передачи информации, а также от стереотипов, транслируемых в среду определенных этнических общин через передаваемую информацию СМИ.

С появлением нового поколения мобильных устройств в Кыргызстане широко развивается блогерство. Однако, в отличие от представителей кыргызской общины, среди этнических меньшинств, особенно среди узбекской общины Кыргызстана пока еще не успели показаться на горизонте “свои” блогеры. Язык вражды из официальных СМИ перешёл и в продукцию блогеров.

Уровень распространения языка вражды ярко можно продемонстрировать на примере высказываний в ходе съёмок видео и оставленных комментариев под видеосюжетами известного кыргызского блогера Бауржана Кадырбекова. Он выложил скандальный видеоролик в Ютуб, снятый им во время посещения торговых заведений этнических узбеков города Узгена и Оша.⁸ Блогер Б. Кадырбеков за свои публикации снискал большую поддержку со стороны представителей своего этноса, но со стороны узбекской части населения заработал раздражение, ненависть и ярлык националиста. Дело дошло до того, что узбекоязычные блогеры из Узбекистана призвали Бауржана Кадырбекова к нейтральному освещению событий.⁹ Выложенные им видеосюжеты на канал Ютуб создали резонанс в обществе и заново превратили интернет-пространство в виртуальное поле словесного боя между отдельными представителями сторон. В настоящее время комментарии к некоторым

⁸ Бауыржанга Кыргыз элим дейсинда ээ сенин жеринби бу деген ким? [Дата обращения 31.05.2020]

⁹ Сарт су,,ка узбек Бауржанга гапирма, кыргыз элы нацистлари . [Дата обращения 01.06.2020]

видеосюжетам блогера Б. Кадырбекова, связанным с межнациональными отношениями, отключены.

Таким образом, спустя 10 лет после трагических июньских событий 2010 года, в Кыргызстане благодаря усилиями государственных органов язык вражды на страницах официальных СМИ Кыргызстана постепенно смягчается. Но он ещё в значительной степени сохраняется на страницах социальных сетей в среде отдельных пользователей на таких серверах как Фейсбук, Ютуб и других, и, в том числе, в публикациях видеоблогеров и в оставленных комментариях под видеосюжетами, освещающими скандальные события с участием представителей этих двух этносов. Данная проблема до сих пор не теряет своей актуальности.

После прихода к власти нового руководства в республике для улучшения межэтнических отношений и укрепления взаимного согласия между гражданами было разработан ряд мер. Так, были приняты Программы развития местного самоуправления Кыргызской Республики на 2018-2023 годы (Правительство КР 2018), а также Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы.¹⁰ В этих программах и стратегиях четко обозначаются планы и действия государственных органов для улучшения межэтнических отношений. В частности, в последней стратегии, рассчитанной на 2018-2040 годы, указывается, что «созданы условия для формирования общества, в котором этничность, отношение к религии, региональная и родоплеменная принадлежность, другие культурные различия граждан не являются основанием для дискриминации и не оказывают влияния на политические процессы». Однако, как показывают результаты анализа рассмотренных выше комментариев, в сфере межэтнических отношений имеется ещё много проблем, которые ждут своего решения и требуют проведения серьёзной работы в этом направлении. Полагаем, что для улучшения отношений между двумя народами, в первую очередь необходимо строго рассмотреть юридическую ответственность лиц, публикующих провокационные материалы и оставляющих комментарии, которые призывают к разжиганию межнациональных конфликтов на страницах социальных сетей, которые призывают к расправе над представителями других этносов, которые публикуют высказывания, ущемляющие права, честь и достоинство человека и дискриминирующие по другим отличительным чертам граждан республики.

Библиография:

Асанов, Бакыт (2017) Почему журналист Бабакулов уехал из Кыргызстана?, Азаттык, 08.06.2020, вход выполнен 30.05.2020, <https://rus.azattyk.org/a/28544110.html>

Аскарлов, Азимжан (2020) камактан чыгып кетеби?, 14.04.2020, вход выполнен 30.05.2020, <https://www.youtube.com/watch?v=jYhgqR6-FZo>

¹⁰ Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. – С.26 // [Дата обращения 04.06.2020]

Атаханов Шавкат (2014) Этногенетические сходства кыргызских и узбекских этносов на примере племени Конгурат (краткий сравнительный анализ), *Известия вузов*, №9, Бишкек, с.112-115

Бабакулов, Улугбек (2017) Люди как звери. В кыргызском сегменте соцсетей звучат призывы к расправе над «сартами», ИА Фергана, 23.05.2017, вход выполнен 30.05.2020 <https://www.fergananews.com/articles/9421>

Международная независимая комиссия (2011) Отчет международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 года, вход выполнен 04.06.2020, https://www.fergananews.com/archive/2011/kic_report_russian_final.pdf

Правительство Кыргызской Республики (2018) Программа развития местного самоуправления Кыргызской Республики на 2018-2023 годы, вход выполнен 04.06.2020, <http://www.gamsumo.gov.kg/ru/programs-and-strategies>

Президент Кыргызской Республики (2013) Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы, вход выполнен 04.06.2020, <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542>

Яновская, Мария (2010) Кыргызстан: Июньская трагедия-2010 — в зеркале СМИ, Media.kg, 29.12.2010, вход выполнен 29.05.2020, <http://media.kg/news/kyrgyzstan-iyunskaya-tragediya-2010-v-zerkale-smi/>

Предотвращение конфликтов и миростроительная деятельность международных организаций и правительства в Кыргызстане

Арзуу Шеранова, Будапештский университет имени Матвея Корвина

С 2010 года в Кыргызстане международные организации (МО) работают вместе с правительством Кыргызской Республики (КР) для достижения устойчивого мира и развития страны. Международные организации ведут параллельную работу на уровне сообществ и на национальном уровне, где помогают и консультируют правительство КР в формировании дорожной карты развития страны и поднимают вопросы о необходимых реформах. В свою очередь, правительство КР открыто международным рекомендациям и всячески поддерживает сотрудничество с ними. Не смотря на инфраструктурную деятельность Государственной дирекции по восстановлению и развитию Оша и Джалал-Абада, правительственные меры по миростроительству и предотвращению конфликтов имели больше технический и институциональный характер, например, с 2010 г. были образованы и преобразованы государственные институты и приняты новые концепции.

Непосредственная работа на уровне сообществ после событий 2010 г., в основном, велась в рамках проектов и грантов международных организаций и агентств, таких как Агентство США по международному развитию (USAID), Европейский Союз (ЕС), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организация Объединенных Наций (ООН), которые можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся проекты по устранению последствий конфликта, которые работали по восстановлению домов и документов, размещению внутренних беженцев, медиации и примирению сторон. Ко второй относятся проекты по снижению напряжения и предотвращению новых конфликтов, которые фокусировались, например, на повышении потенциала национального и местного самоуправления (МСУ), создании локальных сетей по предупреждению конфликтов (early warning systems), обучении групп молодежи, женщин и аксакалов, а также создании сетей неправительственных организаций для эффективного адвокати и лоббирования. А третья группа охватывает проекты по достижению устойчивого долгосрочного мира и по развитию страны через мини-проекты и социальные бизнес-проекты, реализуемые сообществами (seed grants), и реформы в государственном управлении, например, реформы в милиции, в судебной системе и другие.

Несмотря на значительные усилия со стороны как МО, так и правительства КР, на практике в сообществах почти все мероприятия проводились в форме культурных работ. Очень часто в сообществах проводились театральные постановки, фестивали, конкурсы, концерты, показы фильмов или спортивные мероприятия, которые призывали сообщества к дружбе, толерантности и многообразию. Несмотря на то, что эти проекты были успешными, они больше были ограниченными, а именно, краткосрочными, неустойчивыми и быстро забывались послы, которые они поднимали. По этой причине, по мнению автора, для достижения долгосрочного мира и предупреждения конфликтов, данные культурные мероприятия недостаточны. В этой связи, государству и международным донорам

необходимо работать над более долгосрочным решением, в частности над строением «новой» гражданской нации (nation-building) через конструктивное разъяснение и продвижение на уровне сообществ общегражданской идеи «Кыргыз жараны».

¹ На сегодняшний день, работа в сообществах по разъяснению и продвижению идеи «Кыргыз жараны» остается минимальной, несмотря на то что она была принята в 2013 г. в Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике (далее Концепция).

Отдельные шаги правительства по реализации данной идеи не получают поддержки со стороны сообществ и МСУ, и в целом идея и Концепция воспринимаются как принятые сверху-вниз без участия и понимания их значений со стороны населения (см. Шеранова 2020). Недостаточное понимание о важности общегражданской идеи «Кыргыз жараны» негативно влияет на решение важных социально-экономических и политических вопросов со стороны государства, таких как отсутствие экономических возможностей, верховенство закона, доступ к правосудию, представленность меньшинств. Тесная работа с сообществами по разъяснению и продвижению идеи «Кыргыз жараны», особенно со стороны государства, на сегодняшний день является главной в обеспечении долгосрочного мира, так как она формирует отношение между представителями разных этносов и их отношение к правительству. Аргумент обоснован на следующем анализе деятельности МО и правительства КР по миростроительству и предотвращению конфликтов и их эффектов.

Что было вчера, забыть мне пора: празднование и отсутствие разнообразия

В 2010-2011 гг. при поддержке Миростроительного Фонда ООН на уровне сообществ были реализованы миростроительные проекты на сумму 10 млн. долларов США. Данные проекты охватывали молодых людей, женские сети и ассоциации водопользователей (Янци и др. 2017). В 2013-2016 гг. Миростроительный Фонд ООН выделил еще 15.1 млн. долларов США на поддержку второго этапа миростроительства. На втором этапе, Программа ООН уже внедрила более долгосрочные приоритеты для мира и развития, такие как верховенство закона, соблюдение прав человека, представленность меньшинств в управлении, повышение потенциала МСУ для предотвращения и разрешения конфликтов, и поддержка национальной сплоченности (там же).

В свою очередь, ОБСЕ и ЕС в 2010-2015 гг. оказали помощь Министерству Внутренних Дел КР по улучшению обеспечения безопасности в 63 сообществах, повышению уровня доверия населения к милиции и профилактике преступлений через обучение 2500 сотрудников милиции (ОБСЕ 2015). ЕС выделил 5 млн. Евро для создания картографии местных ресурсов и нужд в сообществах для эффективного распространения гуманитарной помощи (REACH 2014). С 2011 г. по 2013 г. ОБСЕ создала локальные сети предупреждения конфликтов, состоящих преимущественно из женщин и молодежи, и обучило их методам медиации и предупреждения конфликтов (Виннер 2012). Параллельно ОБСЕ вела работу с

¹ «Гражданин Кыргызстана», как было определено в Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике в 2013 году.

территориальными молодежными советами в городах Ош, Жалалабад, Баткен и Токмок для повышения толерантности и доверия среди молодежи разных этносов и развития их способностей (2011-2016 гг.).

USAID через «программу переходных инициатив» в Кыргызстане (2010-2013) поддержал 450 проектов на общую сумму 20 млн. долларов США по смягчению и предупреждению конфликта и содействию политического перехода, среди которых большинство были инфраструктурные проекты (USAID 2014a). В 2010-2014 гг. USAID также организовал школьные молодежные театры для построения мира через театральные представления (USAID 2014б), поддержал создание и обучение локальных сетей раннего реагирования на конфликты (USAID 2014a) и повышение роли женщин в построении мира через женские инициативные группы (USAID 2015a). Также USAID выделил почти 13 млн. долларов США на программу улучшения государственного управления в Кыргызстане, реализованной в 2013-2016 гг. (USAID 2015б).

По личным наблюдениям автора, в качестве бывшего консультанта в международных организациях, работающих в КР, большинство международных проектов, реализованных на уровне сообществ проводились прежде всего в форме культурных мероприятий, а именно, в виде театральных постановок, фестивалей, конкурсов, концертов, показов фильмов или спортивных мероприятий. Культурные мероприятия были одобрены как инструменты миростроительства и предотвращения конфликтов на местах. Очень часто они проводились в рамках мини-проектов у обученных групп из женщин и молодежи, таких как инициативные группы женщин, молодежные территориальные советы и другие. Мини-проекты были нацелены на продвижение дружбы, разнообразия и толерантности среди местных жителей. В целом, их можно описать как успешные, потому что, во-первых, они имеют массовый охват для передачи посылов о дружбе, разнообразии и толерантности среди зрителей. Во-вторых, они представляют собой совместную организационную работу представителей различных этнических сообществ и МСУ, в процессе которой представители этнических групп лучше узнают друг друга и развивают дружественные и доверительные отношения.

Но тем не менее, в конце концов, культурные мероприятия больше являются ограниченными и неэффективными проектами. Во-первых, они представляют собой краткосрочные и неустойчивые меры для достижения устойчивого мира и развития поскольку являются одноразовыми мероприятиями и обычно проводятся лишь в рамках проектов. После завершения проектов, они редко проводятся регулярно со стороны сообществ, за исключением празднований как Нооруз. Во-вторых, послы, которые культурные мероприятия несут, быстро забываются в памяти у людей. Понимание идей о разнообразии или мультикультурализме, толерантности и дружбе быстро уходит в быту после завершения культурных мероприятий или мини-проектов. Данные послы уходят на задний план в жизни сообществ из-за неразрешенных социально-экономических и политических вопросов, вызывающих продолжающееся социальное напряжение. Миростроительную деятельность международных организаций как неэффективную оценила и группа исследователей во главе с Мегораном (2014). По их словам, многие организации дублировали в своих сообществах тренинги и семинары по медиации и толерантности для

аксакалов, женщин и молодежи, потому что ими можно было легко отчитаться перед донорами, когда как корневые причины конфликта остались нерешенными.

В-третьих, на уровне сообществ идеи о разнообразии или мультикультурализме, толерантности и дружбе понимаются и воспринимаются больше как очередной актуальный вопрос для участия в проекте и возможность заработать на проектах, настоящий смысл которых не каждый понимает и разделяет. Например, программа Миростроительного Фонда для достижения национальной сплоченности в основном занималась продвижением идей о толерантности и культурного разнообразия, и поддержала мульти-язычное образование, вводимое правительством КР. Однако, в отчете программа признала, что мероприятия в рамках проектов, нацеленных на гражданскую сплоченность, имели больше бизнес-интерес среди местных сообществ и партнеров чем понимание о важности роли молодежи и женщин в миростроительстве и в построении единства в разнообразии (Янци и др. 2017, 30). Они отмечали, что понимание о важности разнообразия и мульти-язычного образования среди молодежи, школьников и их родителей был высок лишь в полиэтнических сообществах (Янци и др. 2017, 22). По словам исследователей, представители правительства и сотрудники программы ООН по-своему понимали мульти-язычное образование. Последние понимали его как разнообразие и толерантность, а первые как ассимиляцию. То же самое отмечается в работе Шерановой (2020), где автор проблематизирует о том, как меры по укреплению разнообразия и толерантности воспринимались по-разному среди разных акторов, начиная от простых жителей и сотрудников МСУ до национальных институтов. По поводу мульти-язычного образования, на уровне сообществ также, например, превалировали неоднозначные понимания и недопонимания за повышением объема обучения кыргызского языка в школах (см. Шеранова 2020), что при отсутствии правильного истолкования со стороны правительства, при или без участия международных проектов, чревато негативными последствиями.

В-четвертых, культурные мероприятия стали практичными в руках как у МО, так и у сообществ, потому что их легко пилотировать, выполнять и отчитываться. Например, в рамках мини-проектов (seeds grants), реализуемых сообществами, фестивали и концерты считались практичными потому что они не требовали больших затрат, в то время, когда бюджеты, выделяемые в рамках проектов, были ограниченными и не было существенной поддержки со стороны МСУ. В свою очередь, МО также пилотировали и экспериментировали инновационными культурными методами как форум-театры или драматеатры² (IREX б.д.) и совместное видео³ (Давиди 2019), которые были адаптированы из опыта других стран. Однако, освещение и обсуждение общественных проблем и вопросов, волнующих молодых участников этих проектов, обычно не вело к более решительным действиям властей или не получило общественное внимание вообще.

Итак, с 2010 г. международные проекты в сообществах ограничивались культурными мероприятиями, которые ни в коем случае не являются устойчивыми и долгосрочными решениями для достижения мира и развития страны. Их послы о толерантности и дружбе в

² Drama for conflict transformation.

³ Participatory video (PV) methodology.

общественном понимании присутствуют только временно и быстро испаряются из-за неразрешенных социально-экономических и политических вопросов. Например, несмотря на то что программа ООН указывала в своих целях представленность меньшинств в управлении, она признает в отчете представленность меньшинств как политически чувствительный вопрос и пишет, что программа не повлияла на фактически существующую представленность меньшинств в стране (Янци и др. 2017, 40).

От празднований и посылов к делу: реализация общегражданской идеи «Кыргыз жараны»

Деятельность правительства КР по миростроительству после конфликта и предотвращению конфликтов можно в целом рассматривать как техническую и институциональную (в первую очередь, разработка новых программ) и, судя по реализованным мероприятиям, как культурную. В 2013 г. правительство КР, при участии международного сообщества, приняло Концепцию укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике.⁴ В Концепции выделяются три основные направления: (1) государственно-правовое регулирование межэтнических отношений; (2) объединяющая роль государственного языка и развитие языкового многообразия; (3) формирование общегражданской идентичности «Кыргыз жараны». Согласно утвержденному Плану реализации Концепции,⁵ по первому направлению проводились тренинги для сотрудников Государственного агентства по делам местного самоуправления и межэтнических отношений (ГАМСУМО), культурные мероприятия, было создано 23 общественных приемных и мониторинговый центр, поддерживались местные инициативы по укреплению единства и делался упор на деятельность Ассамблеи народа Кыргызстана (АНК). В основном, работа по второму направлению велась по переходу на мульти-язычное образование, что в большей части включало преобразование школ и детских садов с языком обучения на негосударственных языках в школы с мульти-язычным обучением, то есть обучением на кыргызском, узбекском или других языках. Акцент был также сделан на перевод кыргызской литературы на негосударственные языки. По третьему направлению были поддержаны специальные мероприятия, инициативы и мини-проекты, нацеленные на гражданскую интеграцию, как и культурные мероприятия и конкурсы, поддержка исследований и книгопечатания на разных языках.

АНК занимается не только вопросами укрепления единства народа и консолидации общегражданской идентичности «Кыргыз жараны», но и защитой интересов этнических

⁴ Концепция Укрепления Единства Народа и Межэтнических Отношений в Кыргызской Республике (2013). Доступно на: http://www.president.kg/files/docs/kontsepsiya_ukrepleniya_edinstva_naroda_i_mejetnicheskih_otno_sheniy_v_kr.pdf

⁵ Распоряжение Правительства КР от 30 октября 2013 года № 430-р об утверждении Плана первоочередных мероприятий на период 2013-2017 годов по реализации Концепции укрепления народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике (2013). Доступно на: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/210041?cl=ru-ru#p1>

групп. Однако на практике, деятельность АНК также не выходит за рамки культурных мероприятий и празднований. Например, в отчете АНК за 2016-2017 гг. (АНК 2018) превалируют количество культурных мероприятий и празднований. ГАМСУМО в отчете за 2019 г также отмечает в основном культурные мероприятия, проведенные совместно с АНК.⁶ Кроме того, на сайте без уточнения пишут, что ГАМСУМО за 2019 г. провело 1011 профилактических работ и рассмотрело 242 заявлений. В свою же очередь, при поддержке Офиса Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств ОБСЕ была проведена оценка работы Концепции.⁷ Была дана положительная оценка, но по выступлению Верховного Комиссара от 2 июня 2016 можно понять, что недостаточной была работа правительства по доступу к правосудию и представленности меньшинств в стране (ОБСЕ 2016). Уже в 2018 г. со стороны ГАМСУМО был разработан и обсужден проект новой Концепции общегражданской интеграции «Кыргыз жараны» в Кыргызской Республике на 2019-2023 гг., который в настоящее время находится на рассмотрении Аппарата Президента КР.

Как выше показал анализ деятельности МО и правительства КР, основные миростроительные работы и деятельность по предупреждению конфликтов в сообществах оставались преимущественно в рамках культурных мероприятий. Несмотря на свои достижения, данные работы все же больше были ограниченными, а именно, краткосрочными и неустойчивыми. Кроме того, на уровне сообществ в ходе их реализаций были непонимания самих идей и целей мероприятий; послы, которые они поднимали также быстро забывались. По мнению автора, для достижения долгосрочного мира и предупреждения конфликтов, данные культурные мероприятия недостаточны.

В настоящее время, правительству КР и международным донорам необходимо работать над более долгосрочным решением, в частности над строением «новой» гражданской нации (nation-building). Работа в сообществах по разъяснению о предпринятых мер для реализации общегражданской идеи «Кыргыз жараны» не проводилась, несмотря на то что она была принята в 2013 г. в Концепции. По причине отсутствия общественного информирования и толкования о мероприятиях по реализации Концепции и общегражданской идеи «Кыргыз жараны», отдельные шаги правительства КР на пути реализации не получили и не получают понимания и поддержки со стороны сообществ и даже МСУ. Ведь отсутствие понимания о важности общегражданской идеи «Кыргыз жараны» негативно влияет на решение важных социально-экономических и политических вопросов со стороны государства, таких как отсутствие экономических возможностей, верховенство закона, доступ к правосудию, представленность меньшинств. Таким образом, для достижения устойчивого мира, необходимо построение новой нации через идею «Кыргыз жараны», которую правительству КР и МО нужно разъяснять и продвигать среди населения. Пока не

⁶ Межэтнические отношения, ГАМСУМО (2020). Доступно на: <http://www.gamsumo.gov.kg/ru/interethnic>

⁷ Межэтнические отношения, ГАМСУМО (2020). Доступно на: <http://www.gamsumo.gov.kg/ru/interethnic>

будет осознания у нации, что все совместно проживающие этнические группы - это одно целое и имеют одно будущее, сохранится риск межэтнического недоверия и напряжения.

Библиография:

Давиди, Шарлот (ред.) (2019) Видео с участием в миростроительстве: уроки, извлеченные из оккупированных палестинских территорий и Кыргызстана [Participatory video in peacebuilding: lessons learnt from occupied Palestinian territories and Kyrgyzstan], Фонд GPPAC - Глобальное партнерство по предотвращению Вооруженного конфликта, вход выполнен 25.05.2020, https://www.gppac.net/files/2019-11/Participatory%20Video%20in%20Peacebuilding-Lessons%20эLearnt_0.pdf

IREX (б.д.) Драма для трансформации конфликтов - Инструментарий. Молодежный театр мира [Drama for Conflict Transformation Toolkit. Youth Theater for Peace], IREX, вход выполнен 25.05.2020, <https://www.irex.org/sites/default/files/node/resource/drama-for-conflict-transformation-toolkit.pdf>

Мегоран, Ник, Сатыбалдиева, Эльмира, Льюис, Дэвид и Джон Хизершоу (2014) Оценка интервенций по миростроительству на юге Кыргызстана [Evaluating peacebuilding interventions in southern Kyrgyzstan], Стокгольмский международный институт исследований мира, вход выполнен 25.05.2020, <https://www.staff.ncl.ac.uk/nick.megoran//pdf/reconciliation%20SIPRI.pdf>

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (2015) ОБСЕ завершает проект Инициативы общественной безопасности в Кыргызстане [OSCE concludes Community Security Initiative project in Kyrgyzstan], ОБСЕ Центр в Бишкеке, 11.12.2015, вход выполнен 25.05.2020, <https://www.osce.org/bishkek/209331>

ОБСЕ (2016) Выступление Астрид Торс, Верховного комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств на 1102-м пленарном заседании Постоянного совета ОБСЕ [Address by Astrid Thors OSCE High Commissioner on National Minorities to the 1102nd Plenary Meeting of the OSCE Permanent Council], 30.05.2016, вход выполнен 03.06.2020, <https://www.osce.org/files/f/documents/e/4/244281.pdf>

REACH (2014) Создание более эффективных гуманитарных действий [REACH - Informing more effective humanitarian action], вход выполнен 25.05.2020, https://reach1.cern.ch/reach/kgz/kgz_2014/home/

Шеранова, Арзуу (2020) «Непростое» разнообразие Кыргызстана после 2010 года: анализ сообществом постконфликтной политики [Kyrgyzstan's 'uneasy' diversity after 2010: Community analysis of post-conflict policy], *Журнал «Этнополитика и проблемы меньшинств в Европе»*, 19(1), ожидаемый.

USAID (2014a) Переходная инициатива Кыргызской Республики. Итоговый отчет [Kyrgyz Republic Transition Initiative. Final Report], вход выполнен 25.05.2020, https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1861/KRTI_Final%20Report_2014%2004%20EXCERPTS.pdf

USAID (2014b) Молодежный театр мира [Youth Theater for Peace], вход выполнен 25.05.2020, <https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/fact-sheets/youth-theater-peace>

USAID (2015a) Женские банки мира [Women's Peace Banks], вход выполнен 25.05.2020, <https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/fact-sheets/womens-peace-banks>

USAID (2015b) Проект по эффективному управлению и укреплению государственной администрации [Good Governance & Public Administration Strengthening Project (GGPAS)], вход выполнен 25.05.2020, <https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/fact-sheets/good-governance-public-administration-strengthening-project-ggpas>

Виннер, Виктор (2012) Вестники мира предотвращают конфликты на юге Кыргызстана [Messengers of peace prevent conflicts in southern Kyrgyzstan], *The Times of Central Asia*, вход выполнен 25.05.2020, <https://www.timesca.com/index.php/news/11447-messengers-of-peace-prevent-conflicts-in-southern-kyrgyzstan>

Ассамблея народа Кыргызстана (2018) Отчёт о деятельности ассамблеи народа Кыргызстана за период с 30 апреля 2016 года по 31 декабря 2017 года, 13.03.2018, вход выполнен 25.05.2020, <https://assembly-kg.news/отчёт-о-деятельности-ассамблеи-народ/>

Янци, Теренс, Фария, Фернанда, и Анара Алымкулова (2017) Оценка портфеля проектов Фонда миростроительства (ФМС) в Кыргызстане (Отчет об оценке) [Evaluation of the Peacebuilding Fund (PBF) Project Portfolio in Kyrgyzstan (Evaluation Report)], Группа Контерра и Организация Объединенных Наций, вход выполнен 25.05.2020, https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/documents/kyrgyzstan_august_2017_-_evaluation_of_priority_plan.pdf

«Мы - Золотая Рыбка»: узбекские бизнесмены на юге Кыргызстана в поисках безопасности

Аксана Исмаилбекова, Лейбниц-Центр по Изучению Современного Востока

Существующая научная база по Ошским событиям 2010 года сформировала богатый массив антропологических, политических и социологических исследований. Эти перспективы помогают лучше понять не только масштабные политические причины конфликта, но и серьезно отнестись к стратегиям местного населения в области миротворчества и преодоления конфликтов на микроуровне - уровне местных сообществ. (Мырзакулова и Жорокулов 2014, Хамидов и др. 2015, Кутманалиев 2015, Исмаилбекова и Мегоран ожидаемый). Мои уже опубликованные исследования способствуют диверсификации и обогащению этого корпуса работ, поскольку в них безопасность анализируется в сочетании с повседневными практиками (Исмаилбекова 2013, 2018).

Настоящий текст анализирует микроуровень повседневных практик безопасности (securityscare) узбекского сообщества в городе Ош и базируется на полевых исследованиях, проведенных на юге Кыргызстана в октябре и ноябре 2017 года. В нем рассматривается опыт узбекских таксистов, торговцев и бизнесменов и делается попытка понять, каким образом местным людям удалось найти творческие пути обеспечения безопасности для своей экономической деятельности, которая после событий 2010 года оказалась в зоне высокого риска (Исмаилбекова 2018). Мне удалось показать, что представители узбекского сообщества успешно приспосабливают свою жизнь к существующим обстоятельствам, с учетом своего местонахождения, ожиданий и потребностей. Анализ соотносится с более широким контекстом постконфликтных ситуаций, когда людям приходится адаптироваться к радикальным изменениям, которые нормализуют сам конфликт и все последствия конфликта. В силу этого у них просто исчезают любые альтернативные варианты для воздействия на ситуацию: они вынуждены жить своей жизнью в пределах своих возможностей. Более того, изменения в общественном пространстве были для меня очевидны даже до того, как я начала разговаривать с людьми, собирая интервью, так же, как они были очевидны и понятны всем, кто годами исследовал местную культуру.

Бизнес-сектор в Оше и до, и после событий 2010 года – это сектор, в котором доминирует узбекская община, в то время как кыргызская община доминирует в государственных структурах. Исторически сложилось так, что две этнические группы жили бок о бок и находились в постоянном контакте друг с другом через этот симбиоз государства и бизнеса. (Лю 2012, Мегоран 2013). Однако конфликт 2010 года коренным образом изменил и разрушил этот симбиоз, а вместе с ним поставил под угрозу узбекский бизнес (Исмаилбекова 2018).

Многие экономически активные узбеки ежедневно сталкиваются с рядом проблем, подвергаясь постоянному финансовому давлению и физическому запугиванию, как со стороны государственных органов власти, так и преступников. В результате предприниматели прибегают к поиску различных творческих стратегий для обеспечения

безопасности своего бизнеса. Эти меры включают перенос торговли с базара в махалли, использование мобильных телефонов для бронирования пассажиров с автовокзала и из аэропорта, а также отказ от продажи или обслуживания потенциально "подозрительных" клиентов (Исмаилбекова 2018).

После вспышки насилия в 2010 году узбекские бизнесмены разработали свой собственный комплекс мер безопасности, который можно рассматривать в рамках концепции «ландшафтов безопасности» (securityscapes). Согласно фон Бемкен, Бобойоров, Багдасарова (2016: 5) «под «ландшафтом безопасности» (securityscape) можно понимать представления об угрозах и незащищенности, как реальных, так и воображаемых, которые направляют и структурируют жизнь людей по мере того, как они занимаются своими повседневными делами». Другими словами, речь идет об активной и проактивной позиции, а также творческих стратегиях в обеспечении ежедневной безопасности. Таким образом, вокруг группы людей или отдельных индивидов создается своеобразный «ландшафт», в котором можно эффективно осуществлять свою жизнедеятельность, не задумываясь постоянно о вопросах безопасности. Особое значение создание таких «ландшафтов безопасности» имеет для уязвимых групп, которые так или иначе стабильно существуют в условиях повышенной опасности и угроз (фон Бемкен и Исмаилбекова 2020).

Для узбекского сообщества в Оше ландшафты безопасности (securityscapes) формировались как реакция на различные представления об опасностях, которые в реальности имели место и многими переживались как физическое насилие, притеснения и захват узбекских предприятий после конфликта (Исмаилбекова 2018). Различные стратегии, которые создают эти ландшафты включают использование видеокамер, сетевое взаимодействие и «невидимое» избегание контактов с кыргызами, таким тонким и незаметным образом, который не вызывает обиды. Также, чтобы не вызывать раздражения и избежать нападений со стороны агрессивных людей, многие узбекские рестораны поменяли свои названия (Атаханов и Асанканов 2020).

Столкнувшись с отсутствием безопасности на главном базаре

Торговля является неотъемлемой частью местной культуры Оша, и поэтому базар играет важнейшую роль в экономической деятельности всего населения. Торговля на базаре - это нечто большее, чем просто обмен товарами и деньгами: здесь совершаются всевозможные сделки, включая обмен идеями, новостями и сплетнями. Это арена, где различные этнические группы встречаются лицом к лицу и собираются вместе, чтобы поделиться историями и опытом. Люди из различных районов Ошской области приходят на городской базар, чтобы купить необходимые им товары по относительно низким ценам и услышать последние новости из города. Во время Ошского конфликта самый крупный центральный Ошский базар был разрушен, значительная часть зданий базара была сожжена, а торговля на базаре стала небезопасной.

В результате, многие узбеки стали бояться заходить на базар сразу после конфликта, а для всего узбекского сообщества он вскоре стал считаться в Оше одним из небезопасных

мест. При посещении базара во время своего полевого исследования я заметила, что многие торговые ларьки остались пустыми, заброшенными или частично разрушенными. Более того, многие из узбекских ларьков на местном базаре были захвачены неизвестными торговцами; некоторые торговые места были проданы, но оставшиеся узбекские торговцы были слишком напуганы, чтобы прийти торговать. Многие торговцы жаловались, что торговля не так хороша, как раньше, и многие узбекские покупатели предпочитали покупать вещи в своих махаллях (узбекские кварталы в Оше) вместо того, чтобы приходиться на базар.

По словам моих респондентов, этнический состав базара изменился. Например, секторы на базаре по продаже фруктов и овощей, мяса, сухофруктов и лотерейных билетов ранее принадлежали узбекским торговцам, но теперь кыргызские торговцы заменили их во многих из этих секторов. По этой же причине, почти весь сектор фруктов и овощей, принадлежавший узбекам, переместился с базара в альтернативные места, такие как узбекские кварталы (махалли), а размер мясного сектора сократился внутри базара, но расширился в других местах.

В поисках безопасности: махалля

После событий в Оше махалля постепенно стала безопасным местом как для узбекских торговцев, так и самым безопасным местом для молодежи, так как юноши подвергались постоянному риску быть втянутыми в бытовые конфликты и оказаться жертвами преследований со стороны милиции. Магазины и торговля при базарах по соображениям безопасности переместились в махаллю. В результате экономическая деятельность сегодня в основном сосредоточена внутри махаллей. Туда переместилась не только торговля, но и многие досуговые предприятия (парки развлечений, кафе), что еще больше привязывает людей к жизни внутри махалли.

Таким образом, ландшафты безопасности узбекского сообщества создаются за счет двух основных стратегий. С одной стороны – это сегрегация и проведение границ в общественных местах, с другой – это адаптация, избегание раздражающего поведения и уклонение от рискованных контактов.

В то же время существуют и бизнесы, которые все еще находятся за пределами махаллей, и бизнесмены в этих случаях также нашли творческие способы обеспечения безопасности для своего бизнеса. Большинство владельцев узбекских предприятий защищают свой бизнес с помощью видеокamеры. Табличка с видеокamerой видна повсюду, от самого маленького магазина до самого большого ресторана в городе. В целом, большинство предпринимателей считают, что они могут защитить себя от злоупотреблений более эффективно с помощью камеры, потому что это позволяет легко получить доказательства того, что кто-то не хочет платить, и, что более важно, люди реже нарушают правила, если они видят знак, что видеокamera используется в общественном месте. Владельцы магазинов и кафе, в частности, регулярно сталкиваются с проблемами "отказа в оплате" - использование видеокamеры помогает решить эту проблему. После установки

видеокамеры можно записать все действия, происходящие в магазине, как определенную меру для самозащиты (Исмаилбекова 2018, Атаханов и Асанканов 2020).

Следует отметить, что узбеки открыто не избегают развития бизнеса в своей экономической нише. Вместо этого они пытаются уже существующую экономическую нишу в более безопасное место, используя практики, которые не видны кыргызскому сообществу, и таким образом защищают свой бизнес. Например, некоторые бизнес-предприятия были превращены в "безопасные" социальные проекты, такие как школа, больница и мечеть. В этих случаях важно распознать роль махалли для обеспечения безопасной деятельности и функционирования узбекских элит: их доступ к политическим и экономическим ресурсам позволяет им манипулировать этим институтом и через махаллю делает их позицию легитимной, как внутри, так и за пределами узбекского сообщества (Исмаилбекова 2018).

Таким образом, разными способами эта «махаллинская зона безопасности» была дополнительно укреплена и развита. Узбеки перестраивают там жизнь как бы организовав маленький город внутри большого, но в то же время Ош, в целом, становится в результате более сегрегированным. Махалля представляет собой безопасное и комфортное место, находящееся вне влияния государства и преступников, угрожающих экономическому и физическому благополучию узбеков. Это безопасное место, куда не могут проникнуть посторонние. Благодаря переговорам (в том числе и "коррупцированным") с государственными чиновниками и преступниками махалля может функционировать как отдельная и безопасная экономическая зона. Другими словами, существует неявный контракт, который обеспечивает безопасность в махалле.

Выводы

В настоящее время можно говорить о том, что узбекские жители Оша попытались пространственно отделить себя, чтобы предотвратить конфликты и организовать какую-то жизнь в пределах своих возможностей. Сегодня эта стратегия кажется эффективной, но скорее всего, только в краткосрочной перспективе. Результат такого разделения в долгосрочной перспективе может помешать социальной интеграции людей в будущем. Очевидно, что некоторые районы Оша предпочли сегрегацию в качестве стратегии преодоления последствий конфликта, оказавшись целиком на стороне и внутри своей собственной общины. Однако другие районы решили не использовать сегрегацию в качестве стратегии предотвращения конфликтов. Следовательно, в зависимости от места проживания пострадавших в конфликте и от степени воздействия на них прошлого конфликта, стратегии в разных районах различаются.

Мои исследования показывают, что намечающееся разделение – это не только то, вопрос взаимной сегрегации. По моим данным, узбеки подвергаются маргинализации и насильственному вытеснению. Это отделение не было добровольным: скорее, оно произошло или практиковалось в результате отсутствия других альтернатив. Это решение было лучшим вариантом во времена хаоса и незащищенности, потому что принадлежность к собственной общине без лишних затрат времени и энергии. Однако местные ландшафты безопасности

узбекских бизнесменов, которые можно наблюдать сегодня, заставляют нас задуматься о будущем и о поиске стратегий возобновления взаимодействия и совместного существования всех жителей города без исключения тех или иных сообществ.

Библиография

Атаханов, Шавкат и Асанканов, Абылабек (2020) Практика безопасности и выживание кафе на юге Кыргызстана [Security Practices and the Survival of Cafes in Southern Kyrgyzstan] // *Как выжить в повседневной жизни. Безопасность людей находящихя под угрозой в Кыргызстане [Surviving Everyday Life The Securityscapes of Threatened People in Kyrgyzstan]*, под ред. фон Бемкена, Марка, Багдасаровой, Нины, Исмаилбековой, Аксаны и Конрада Шеттера, 47-70.

Хамидов Алишер, Мегоран, Ник и Джон Хизершоу (2017) Миротворчество снизу-вверх на юге Кыргызстана: как местным субъектам удалось предотвратить распространение насилия из Оша/Джалал-Абада в Араван, июнь 2010 года [Bottom-up peacekeeping in Southern Kyrgyzstan: How local actors managed to prevent the spread of violence from Osh/Jalal-Abad to Aravan, June 2010], *Журнал Национальности*, 45(6): 1118-1134.

Кутманалиев, Жолдон (2015) Публичные и общественные пространства и их связь с пространственной динамикой этнических беспорядков: насилие и ненасилие в городе Ош [Public and communal spaces and their relation to the spatial dynamics of ethnic riots: Violence and non-violence in the city of Osh], *Международный журнал социологии и социальной политики*, 35 (7/8): 449-477.

Исмаилбекова, Аксана (2013) Стратегии преодоления: общественное уклонение, миграция и брак после Ошского конфликта в Ферганской долине [Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Ferghana Valley] *Журнал Национальности*, 41(1): 109-127.

Исмаилбекова, Аксана (2018) Безопасные и небезопасные пространства для узбекских бизнесменов на юге Кыргызстана [Secure and insecure spaces for Uzbek businesspeople in southern Kyrgyzstan] *Международный кварталный азиатских исследований*, 49(1-2):41-60.

Исмаилбекова, Аксана и Ник Мегоран (ожидаемый) Мир в семье - основа мира в стране. Как женщины способствуют миру на юге Кыргызстана. [Peace in the family is the basis of peace in the country. How women contribute to local peace in southern Kyrgyzstan], *Журнал интервенции и строительства государства*.

Мегоран, Ник (2013) Общее пространство, разделенное пространство: повествование этнической истории Оша [Shared space, divided space: Narrating ethnic histories of Osh], *Окружающая среда и планирование А*, 45 (4): 892–907.

Мурзакулова, Асель и Абдираим Жорокулов (2014) Ошские события 2010 года: уроки для будущего // *Опыт Кыргызской Республики в управлении кризисными ситуациями: уроки для будущего. Альманах № 2*, под ред. Аиды Алымбаевой и Тодоры Тагаревой. Женева-Бишкек-Рига-София, 127-154.

Лю, Морган (2012) *Под престолом Соломона. Узбекские перспективы обновления в Оше [Under Solomon's Throne. Uzbek Visions of Renewal in Osh]*, Питтсбург: Пресса Университета Питтсбург.

Фон Бемкен, Марк и Аксана Исмаилбекова (2020) Введение // *Как выжить в повседневной жизни. Безопасность людей находящихся под угрозой в Кыргызстане [Surviving Everyday Life. The Securityscapes of Threatened People in Kyrgyzstan]*, под ред. фон Бемкена, Марка, Багдасаровой, Нины, Исмаилбековой, Аксаны и Конрада Шеттера, 1-22.

Фон Бемкен, Марк, Бобойоров, Хафиз и Нина Багдасарова (2018) Жить в опасности: Ландшафты безопасности людей люли и ЛГБТ в городских пространствах Кыргызстана [Living Dangerously: Securityscapes of Lyuli and LGBT People in Urban Spaces of Kyrgyzstan]. *Обзорные Центральной Азии*, 37 (1): 68–84.

От «вопроса Шлезвиг-Гольштейна» к «вопросу Ферганской долине»: образование меньшинств и разрешение конфликтов

Ник Мегоран, Университет Ньюкасл

В 2020 году исполняются два значительных юбилея. Первый – это столетие со дня проведения серии плебисцитов, направленных на решение «Вопроса Шлезвиг-Гольштейна» – затянувшегося этнотерриториального спора между Данией и Германией. Эти народные референдумы положили начало долгому пути к тому, что сегодня считается одним из наиболее успешных в Европе случаев разрешения конфликтов. Вторая круглая дата, находящаяся в центре внимания этого форума, – это десятилетняя годовщина страшного насилия в кыргызстанской части Ферганской долины. «Вопрос Ферганской долины» – это вопрос о том, как постсоветские страны, строящие свою национальную государственность, могут обеспечить безопасное будущее для меньшинств, ставших заложниками планов и правил, исходивших ранее из Москвы, - остается без ответа.

Конечно, эти два региона не являются одинаковыми, и ни один случай разрешения конфликта не может быть прописан в виде простого «образца» для другого. Идея этой статьи состоит в том, что можно извлечь два важных урока из истории земли Шлезвиг-Гольштейн, которые полезны для разрешения конфликта в Ферганской долине. Во-первых, этнотерриториальный конфликт в приграничных районах не может быть решен в одностороннем порядке путем действий только в рамках одного государства. Попытки местных, государственных или международных субъектов с 2010 года решить межэтнические проблемы на юге Кыргызстана не смогли гарантировать мир или способствовать гармоничному сосуществованию, поскольку они сосредоточены только на Кыргызстане. Во-вторых, обеспечение образования на языках национальных меньшинств имеет решающее значение для решения застарелых конфликтов.

Вопрос Шлезвиг-Гольштейна

Исторически король Дании был также герцогом Шлезвига и Гольштейна. Это создавало определённые трудности для этнически смешанного населения, говорящего на различных диалектах немецкого, датского и фризского языков. Однако, «век национализма» политизировал статус наций, этничности и принадлежности и спровоцировал две войны. В 1864 году Дания была разгромлена Пруссией, которая захватила обе территории и стремилась добиться жесткой германизации датского меньшинства (Реруп 1982). Это рассматривалось как архетипичный трудноразрешимый этнотерриториальный спор, который британский премьер-министр лорд Палмерстон саркастически охарактеризовал следующим образом:

Вопрос Шлезвиг-Гольштейна настолько сложен, что только три человека в Европе когда-либо понимали его. Один из них – принц Альберт, который умер. Второй – немецкий профессор, который сошел с ума. Я третий, но я всё забыл об этом.

В 1920 году плебисциты вернули Дании северную часть Шлезвига. В результате датское меньшинство оказалось в Германии, а немецкое – в Дании. В 1955 году Дания и Германия подписали знаменитую «Боннско-Копенгагенскую декларацию», гарантирующую культурные и языковые права этнических меньшинств. Школьное обучение на немецком языке в Дании и обучение на датском языке в Германии были защищены, при этом родственные государства имели право поддерживать свои системы совместного этнического образования за границей, а меньшинства могли получать высшее образование в своем этнически родственном государстве. Со временем эта договоренность привела к заметному ослаблению напряженности, так как оба меньшинства чувствовали себя в безопасности (Малой, 2017).

Вопрос Ферганской долины

В результате создания в 1920-х годах Кыргызской и Узбекской Советских Социалистических Республик по обе стороны новых границ в Ферганской долине образовались значительные сообщества национальных меньшинств. Советская власть обеспечивала обучение национальных меньшинств в школах с узбекским языком обучения в Кыргызской ССР и в школах с кыргызским языком обучения в Узбекской ССР. Эта система хорошо работала, поскольку меньшинства могли получать начальное и среднее образование в родных городах и селах, ездить в соседние государства для получения специального и высшего образования, а затем, если хотели, могли вернуться домой.

Провозглашение независимости в 1991 году привело к созданию новых государств со значительным числом этнических меньшинств. Семьи, проживающие в приграничных районах, которые всю жизнь переезжали из одной страны в другую для получения образования, работы и заключения брака, почувствовали, что их образ жизни находился теперь под угрозой, поскольку правительства новых государств стремились контролировать их передвижение и продвигать язык и культуру этнического большинства как национальную культуру. Это привело к потере чувства безопасности среди меньшинств, к которым доминирующее большинство относилось с подозрением.

«Вопрос Ферганской долины» был особенно острым в сфере образования. После 1991 г. внешняя форма этой системы осталась прежней: в Кыргызстане - начальное и среднее образование на узбекском языке, в Узбекистане - на кыргызском. Однако ситуация становилась все более напряженной: требовались новые учебники, не было отечественных вузов с преподаванием на языках национальных меньшинств, в которых готовились бы школьные учителя. Если раньше молодые люди отправлялись в учреждения своего родственного ССР для получения высшего образования и подготовки учителей, то к концу 1990-х годов это стало очень трудным, и взаимное признание степеней больше не гарантировалось.

В ответ на это, оба государства стремились продвигать предоставление образования на языках меньшинств. В Узбекистане в Андижанском государственном университете было

открыто отделение кыргызской филологии, а издательство «Турон-икбол» выпускали кыргызские переводы узбекских учебников для использования в кыргызских школах. В Кыргызстане Министерство образования создало Кыргызско-Узбекский университет в Оше и Узбекский гуманитарно-педагогический факультет Ошского государственного университета. Эти новые учреждения также выпускали учебники на узбекском языке для узбекских школ Кыргызстана.

Эти меры были предприняты исходя из благих намерений, но в целом они оказались неадекватными с точки зрения общего количества и качества учителей и материалов. Кроме того, в Кыргызстане и подпитывали популистское недовольство в отношении якобы привилегированного меньшинства узбеков, чья ситуация выгодно контрастировала с ситуацией кыргызов Узбекистана, которые были якобы лишены привилегий, в том числе достаточного образования (Мегоран 2013). Это восприятие было неверным, но отчасти способствовало вспышке насилия в 2010 году. Во время этого конфликта узбекские учебные заведения подвергались физическим нападениям, а еще более тревожно то, что они стали символическими объектами постконфликтного националистического возмездия. Название Кыргызско-узбекского университета было срочно изменено на «Ошский государственный социальный университет»¹⁸, а Узбекский педагогический и гуманитарный факультет Ошского государственного университета был выселен из здания и преобразован в отделение Филологического факультета. Вступительные экзамены на узбекском языке были отменены. В 2011 году мэр города Ош Мелис Мырзакматов, как сообщается, объявил о своем желании положить конец большинству узбекских школ в городе; и соседняя Кара-Сууйская областная администрация образования поручила всем узбекским школам перенести один класс поступающих в Сентябре школьников с узбекского на кыргызский язык обучения (Мегоран 2017: 218).

Однако за прошедшее десятилетие произошел некоторый откат от этого подхода. Это связано отчасти со стабилизацией ситуации на юге Кыргызстана и усилиями правительства Кыргызстана, а также с улучшением отношений между Кыргызстаном и Узбекистаном. В 2016 году Шавкат Мирзиёев сменил Ислама Каримова на посту Президента Узбекистана. Мирзиёев подчеркнул важность межэтнических отношений как в Узбекистане, так и в регионе (Мирзиёев 2017). В 2017 году он не только ослабил пограничный контроль в Ферганской долине, но и совершил официальный визит в Ош, где объявил о финансировании новой узбекской школы в городе, а также о совместных проектах экономического сотрудничества. В другой раз он посетил этнически кыргызскую деревню Манас в Джизакской области Узбекистана и поручил полностью отремонтировать местную инфраструктуру, вернувшись через 45 дней для проверки результатов. Это сопровождалось соответственным освещением в СМИ в Узбекистане и в Кыргызстане. Он также распорядился открыть отделение кыргызской филологии в университете в Джизаке (Джабборов 2019: 4). Эти шаги были хорошо приняты в Кыргызстане. Давление,

¹⁸ Это изменение до сих пор не было официально утверждено Министерством образования.

оказываемое на узбекские школы перейти на кыргызский язык обучения, ослабло, и, что символично, Кыргызско-узбекскому университету вернули первоначальное название.

Все эти развития положительны, но, тем не менее, с 2000 года число школ с узбекским языком обучения в Кыргызстане сократилось со 141 до 43. В то же время количество кыргызских школ в Узбекистане сократилось с 87 до 56. Советская модель образования на языке меньшинств теоретически сохраняется в Ферганской долине, но она уже не отвечает поставленным целям как раньше. Как утверждает Валерий Хан, Центральной Азии нужна «новая этническая политика», переходящая от этноцентризма к расширению прав меньшинств (Хан 2018).

Взаимосвязанная судьба

Спустя десять дней после июньского насилия 2010 года кыргызская газета «Алиби» выпустила статью Машакбая Рахманкулова, в которой косвенно оправдывается насилие в отношении узбекского меньшинства путем сравнения образовательных услуг для узбеков в Кыргызстане с услугами, предоставляемыми кыргызам в Узбекистане. По его словам, узбеки Кыргызстана «обслуживались детскими садами, школами, университетами» и другими учреждениями. В отличие от этого, он утверждал (совершенно неверно): «В настоящее время в Узбекистане этническая группа кыргызов была полностью ликвидирована.... В Узбекистане нет кыргызскоязычных детских садов, школ или университетов» (Рахманкулов 2010: 2).

В этот год печальных юбилеев важно вернуться к вопросам «Шлезвиг-Гольштейна» и «Ферганской долины». Это вопросы о том, как новые государства, строящие свою национальную государственность, могут обеспечить благополучие и права меньшинств, оказавшихся за пределами новых границ. Два урока Шлезвиг-Гольштейна для Ферганской долины состоят в том, что, во-первых, *образование* является ключом к разрешению конфликтов, и, во-вторых, противоречия лучше всего разрешаются *на двусторонней основе*. Ядовитая диатриба Рахманкулова, отражающая широко распространенную точку зрения в Кыргызстане, показывает, что судьбы двух меньшинств связаны между собой в воображениях людей. Правительства Кыргызстана и Узбекистана должны совместными усилиями творчески подходить к обеспечению образования на языках меньшинств. Как это может выглядеть? Это может подразумевать решительную и ясную приверженность государства поддержке меньшинств на собственной территории (каждого принимающего государства), а также взаимную поддержку образовательных учреждений этнических соотечественников в другом государстве, соответственно. Следует поощрять бесплатные образовательные обмены для обеспечения лучшего качества обучения на языках меньшинств. Обмены для переподготовки и для летних школ по подготовке учителей могут быть предоставлены учителям и университетским преподавателям из числа меньшинств в университетах их «родного государства». Помимо непосредственных выгод для системы образования, такая «Ташкентско-Бишкекская декларация» позволила бы укрепить доверие, заверить меньшинства в том, что у них есть будущее в принимающих государствах, а также

заверить большинство в том, что им не нужно сомневаться в лояльности меньшинств. Эти меры сами по себе не могут предотвратить дальнейшее насилие, но в определенной мере могут решить бы недовольство, которое его подпитывает.

Конечно же, важно признать, что контексты Ферганской долины и Шлезвиг-Гольштейна не идентичны. Геополитическое давление после поражения Германии в Первой мировой войны и, позже, содействия НАТО подписанию Боннско-Копенгагенской декларации 1955 года стали ключевыми вехами в разрешении этого конфликта. В то же время, геополитическая среда постсоветского разрыва создала больше центробежных, чем центростремительных давлений.¹⁹ В современной Центральной Азии стимул должен исходить больше от лидеров Узбекистана и Кыргызстана, причем внешние участники должны поддерживать их инициативы.

В своей «Рождественской проповеди за мир» 1967 года, Мартин Лютер Кинг сказал: «Мы все попали в неизбежную сеть взаимозависимости, сплетённую в единую судьбу». В пословице, существующей и на узбекском, так на кыргызском языках, говорится: «базарыббыз бир, мазарыбыз бир» что означает «у нас общие рынки и общие кладбища». Это указывает на давнее ощущение, что истории и судьбы кыргызского и узбекского народов объединены симбиозом. Правительства Узбекистана и Кыргызстана обязаны воплотить это в конкретную реальность. И образование на языках меньшинств является хорошим началом для этого.

Библиография:

Абдуллаев Улугбек (2005) *Фаргона водийсида этнослараро жараёнлар [Межэтнические процессы в Ферганской долине]*, Ташкент: Янги аср авлоди.

Болдуин, Льюис и Пол Декар (ред.) (2013) «*В неизбежной сети взаимности*»: Мартин Лютер Кинг-младший и глобализация этического идеала [*In an inescapable network of mutuality*]: Martin Luther King, Jr. and the Globalisation of an Ethical Ideal], Орегон: Випф и Сток.

Жабборов, Рахматилло (2019) Рахматилло Жабборов, Ўзбекистон Қирғиз миллий-маданий раиси [Рахматилло Жабборов, председатель Кыргызского национально-культурного центра Узбекистана], *Озбекистон овози (Голос Узбекистана)*, 15.10.2019, выпуск 83-4, С. 4.

Хан, Валерий (2018) Строеение наций в Центральной Азии: на пути к новой этнической политике [Nation-buidling in Central Asia: towards a new ethnic policy] // *Исследование иллиберального мира в Евразии: критические перспективы на мир и конфликт [Interrogating illiberal peace in Eurasia: Critical perspectives on peace and conflict]*, под ред. Оуэн, Кэтрин, Джураев, Шаирбека, Льюис, Дэвид, Мегоран, Ник и Джон Хизершоу, Лондон: Роуман и Литтлфилд, 145-172.

¹⁹ Я благодарен Сергиушу Боберу из Европейского центра по вопросам меньшинств, Фленсбург, за то, что он сделал мне это замечание.

Кинг, Мартин Лютер младший (1986) Рождественская проповедь о мире [A Christmas sermon on peace] // *Завет надежды*, под ред. Вашингтон, Джеймс, Нью-Йорк: Харпер Коллинз, 253-258.

Маллой, Тове (2017) Функциональная нетерриториальная автономия в Дании и Германии [Functional non-territorial autonomy in Denmark and Germany] // *Управление разнообразием посредством нетерриториальной автономии [Managing diversity through non-territorial autonomy]*, под ред. Маллой, Тове, Осипов, Александер и Визи Балаш, Оксфорд: Пресса Оксфордского университета, 183-204.

Мегоран, Ник (2017) *Национализм в Центральной Азии: биография узбекско-кыргызской границы [Nationalism in Central Asia: A biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary]*, Питтсбург: Пресса Питтсбургского университета.

Мегоран, Ник (2013) Общее пространство, разделенное пространство: повествование этнической истории Оша [Shared space, divided space: Narrating ethnic histories of Osh], *Окружающая среда и планирование А*, 45 (4): 892–907.

Мирзиёев, Шавкат (2017) Обращение к конференции «Обеспечение социальной стабильности, сохранение чистоты нашей священной религии - это императив времени» [Address to the conference ‘Ensuring social stability, safeguarding purity of our sacred religion is an imperative of time’].

Рахманкулов, Машакбай (2010) Отконду тапанча менен атсан. Озбек кетип оз калды. [Надо стрелять кто мимо проходит. Узбек ушёл и мы остались], *Газета «Алиби»*, 22/06/2010 35 (100), 2.

Реруп, Лоренц (1982) *Slesvig og Holsten efter 1830*, Копенгаген: Политикенс Форлаг.

Войти в матрицу: Как справиться с неизбежной сопричастностью структурному насилию

Филипп Лоттхольц, Центр совместных исследований/Трансрегио 138 «Динамики безопасности»

Ты должен понять, что большинство этих людей не готовы к отключению. И множество из них очень привязаны к системе, поэтому они будут бороться за нее...

Из фильма «Матрица»

Не только ученые и журналисты, но почти все, кто живет, посещает или работает в Кыргызстане, рано или поздно осознают, что «Ошские события» 2010 года, возможно, являются наиболее спорным вопросом в этой стране. В академических кругах общепринятая мудрость заставляет нас верить, что мы можем ориентироваться в проблемах и опасностях исследования, рефлексировать о собственной позиции и обеспечивать, чтобы участники исследования «полностью осознавали» последствия их участия в исследовании. Похоже, в общественной жизни и особенно в мире либеральной эмансипативной политики, единственным способом уклониться от повседневных проблем повседневной жизни – это быть очень чувствительным к таким темам или избегать их вообще.

Однако, как я хотел бы утверждать в данном тексте, такой прагматичный подход к решению проблем не работает в мире, где обсуждение представлений определенных событий и даже самой реальности и явно установленных фактов зависит от вопросов принадлежности и (гео-) политической лояльности. Таким образом, как я покажу в контексте моего собственного опыта в качестве исследователя, работающего в Кыргызстане с 2012 года, чем больше человек пытается сбалансировать и сопоставить друг с другом различные мнения и перспективы, оспаривающие «события», их последствия и более широкое значение, а также и то, что можно сказать о них (и то, что нельзя), тем больше осознаешь невозможность примирения разных точек зрения. Попытки представить «Ошские события» и их последствия сбалансированным образом заставляют осознать, что это включает в себя невозможную задачу примирения различных жизненных реалий - на самом деле источников жизнеспособности, интересов и выгоды, которые вовлечены в конструировании этого конфликта и его наследия. Это было наглядно продемонстрировано в тексте Аксаны Исмаилбековой в данном цикле статей, который выявил необходимость не только принять, но и приспособиться к новой реальности, в которой продолжающаяся виктимизация узбеков еще больше замалчивается и отрицается.

Если принять метафору, пусть даже очень стилистическую, то можно утверждать, что версия реальности о «событиях», которая была создана в публичном дискурсе в кыргызстанской общественности – и которая не оспаривалась международными версиями в значительной степени – представляет собой своего рода матрицу. Как предположили авторы этого фильма, хотя и обманчиво реальная, эта «реальность» матрицы оказывается симуляцией, созданной силами, которые стремятся скрыть действительную реальность более

темного, жестокого по своей природе мира. Несмотря на ограничения этого сравнения, оно помогает нам поразмыслить о том, насколько мы уже – возможно, подсознательно – приняли гегемонистскую версию «Ошских событий» и связанных с ней политических мер как нормальную или неизбежную. Может быть нам стоит спросить, можем ли мы и население в целом «отключиться» от этой реальности и принять более критическую и комплексную картину, которую власти отвергают и даже криминализируют. Наконец, еще один важный момент, который следует извлечь из фильма «Матрица», заключается в том, что, несмотря на кажущуюся непреодолимость власти режима, поддерживающего матрицу, существуют способы оспорить ее и объединить усилия для построения лучшего будущего.

Попытка (и неудача) сделать исследование «безопасным способом»

Как указывалось в предыдущих статьях этого обсуждения, Ошские события 2010 года представляют собой огромную трагедию, в первую очередь, для людей, непосредственно затронутых насилием, а также для кыргызстанского общества в целом. Назначение вины или ответственности, не говоря уже о ее доказательстве, почти невозможно в этом контексте, и трагическое наследие событий требует расстояния и невмешательства, особенно со стороны иностранцев. Так много я понял, когда решил проанализировать инициативы по миростроительству после конфликта 2010 года в рамках магистерского исследования в 2012 году. Тогда я впервые приехал в Кыргызстан и Центральную Азию в целом. Мой проект имел свои проблемы и ограничения, учитывая, что я не имел подготовки или обучения по конкретному контексту, а приходилось делать полевое исследование в соответствии с принципом «сделай сам». Благодаря многим друзьям, коллегам и великодушным помощникам мне удалось провести необходимое количество интервью и написать диссертацию с хорошей оценкой.

Чтобы не поставить под угрозу своих собеседников или себя, я решил не публиковать диссертацию в открытом доступе. В конце концов, это исследование говорило об «Ошских событиях» и проблемах, связанных с (без-)действиями правительства после них. Я был достаточно разумным, чтобы понять неформальные намеки и истории, которыми поделились собеседники. Я понял, что писать о событиях и легитимно критиковать правительство и правоохранительные органы было возможно только тем, у кого была сильная опора, чтобы выдержать шторм, с которым можно столкнуться в политической и судебной сфере, но и в плане личной безопасности. Разногласия вокруг отчета «Международной комиссии по расследованию Ошских событий в Кыргызстане» и продолжающиеся угрозы в сторону правозащитных организаций оказались только наиболее заметными случаями того, что может случиться с тем, кто публично критикует власти (Уилкинсон 2015).

Когда через год я начал свою аспирантуру, я решил смелее взяться за решение головоломки, которую представляет собой ограниченная дискурсивная среда, и провести более откровенные исследования, сохраняя при этом принцип «не навреди» и защиты и участников исследования и себя. Наблюдая за ситуацией в Кыргызстане, я все больше осознавал, что власти фактически монополизировали общественный дискурс, чтобы

поддержать версию «Ошских событий» и их последствий, которая в первую очередь соответствовали их интересам. Основным инструментом государственных органов – в первую очередь, Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) и различных местных органов внутренних дел (напр. ГУВД) - стала статья 313 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, в соответствии с которой любое лицо, освещающее «Ошские события» и их последствия - как и многие другие социальные проблемы в стране, обвиняется в разжигании «национальной, религиозной или межрегиональной розни». Яркими примерами являются уголовное расследование, проведенное международной неправительственной организацией Freedom House и ее кыргызским партнером, Центром защиты прав человека в сентябре 2014 года (Бейшенбек кызы 2014), а также задержания журналистов Конора Прасада и Фредерика Фауста (Мец 2015) и, совсем недавно, основателя и редактора сайта bezpredel.kg Афтандила Жоробекова. Общественный протест и кампания по требованию освобождения Жоробекова особенно ярко выявили произвольное применение ГКНБ статьи 313, что в конечном итоге заставило его снять обвинения.

Попытки режима прекратить дебаты и критическое освещение оказались ошибочными и произвольными. Тем не менее, чтобы защитить всех вовлеченных в моих исследованиях, я решил избегать «болезненных» и неуместных выражений о проблемах с «межэтническими отношениями», которые вызвали негативную реакцию в вышеупомянутых случаях. Вместо этого я определил свою основную цель исследования как понимание процессов приема, применения и сопротивления против глобально доминирующих понятий демократического управления и государственного строительства в Кыргызстане с акцентом на сферах миростроительства и общественной безопасности. Я разработал «кооперативный» подход, фокусирующийся на практике миростроительства и безопасности, в рамках которого я пытался установить партнерские отношения с организациями и отслеживать, систематизировать и интерпретировать их практики на языке, который они сочтут подходящим для описания проблем и вызовов, с которыми они сталкиваются (Лоттхольц 2018: 79 след.). Я старался сосредоточиться на практике и собственных перспективах партнеров вместо того, чтобы использовать определенную терминологию как, например, о «конфликтах», «межэтнических отношениях», «правосудии переходного периода» и т. д. Таким образом, я надеялся смягчить опасения, что сотрудничество со мной может привести к возникновению проблем у этих организаций с правоохранительными органами и службами безопасности.

Большинство людей из неправительственных организаций и инициатив, с которыми я работал, оценили этот подход по крайней мере рано или поздно. Однако вскоре я осознал, что этот осторожный и «чувствительный к контексту» подход, который я разработал на основе критических и рефлексивных дискуссий по методологии социальной науки, смог охватить только одну версию реальности в постконфликтном Кыргызстане. Эта была версия, санкционированная властями, где «Ошские события» не являются межэтническим конфликтом, и в его последствиях не было отмечено каких-либо существенных нарушений со стороны правоохранительных, судебных и других государственных органов. За редким исключением людей, которые уже заняли официальную позицию по данному вопросу

(например, в своих собственных опубликованных анализах), мне не удалось получить какие-либо значимые высказывания о повседневной реальности межэтнических отношений и особенно узбекских жизненных реалиях в Оше.

Более печальным аспектом этой бифуркации между фактической, «повседневной» реальностью и версией, которая явно исходила из моего исследования, было то, что я получал все больше информации о первой версии от тех же людей, которые участвовали в моем исследовании или знали о нем. Таким образом, я все больше и больше собирал «негласную» информацию из вторичных и даже третьих лиц («кто-то мне говорил, что...»), как, например, о том, что узбеки были маргинализованы и вынуждены сдавать свои торговые точки на Ошском базаре, или как международные организации частично воздерживались от найма узбеков, чтобы избежать возможных трудностей в работе. Конечно, из-за этических и моральных соображений я не смог включить эту информацию в свое исследование и даже сейчас упомянуть ее можно только с относительной степенью временной и социальной дистанции от этого контекста.

Как я понял, вспоминая свои полевые работы (Лоттхольц 2017: 101), вместо того, чтобы иметь терпение встречаться с людьми и строить отношения, которые смогли бы способствовать мне понять природу «потемкинских деревень» в моем исследовательском проекте, я застрял на том факте, что реальность раздваивалась, и я мало что мог сделать, чтобы добраться до сути вещей. Это показывает, что, хотя мое исследование было технически «свободным», оно было по сути ограничено эмоциональными и дискурсивными эффектами секьюритизированной и политизированной исследовательской среды на юге Кыргызстана, что заставило членов организаций, с которыми я сотрудничал, и население в целом принять осторожную позицию во взаимодействии со мной (Лоттхольц 2017: 101).

Думать стратегически о неизбежном структурном насилии и соучастии в нем

К концу моего полевого исследования в рамках аспирантуры я наконец-то получил возможность пообщаться и наладить отношения с членами молодежной группы в узбекском районе Он Адыр, на юго-восточной окраине города Ош. Я размышлял над этой возможностью проанализировать ситуацию там вместо других районов, которые я посещал. Я понял, что в случае, если я буду собирать данные о трудностях и дискриминации, с которыми сталкиваются узбеки в этом районе (т.е. если бы люди делились ими вообще), то это может привести только к новым дилеммам. Был ли я тем человеком, кто мог бы правильно задокументировать и в конечном итоге опубликовать проблемы, с которыми столкнулось это сообщество? И учитывая мое внимание к практике и деятельности так называемых молодежных советов, с которыми я сотрудничал, приемлемо ли было бы мое решение, что межэтническая напряженность и конфликтные отношения между узбеками и властями или с кыргызскими жителями были важным аспектом?

С тяжелым сердцем я решил, что те уже немалочисленные высказывания и информация, которые я собрал к тому времени о последствиях «Ошских событий» и о необходимости восстановления доверия и мирных отношений между кыргызской и

узбекской молодежью, а также их сообществами в целом, были достаточны для моего анализа (см. Лоттхольц 2018: 256 и далее). Многочисленные истории журналистов, исследователей и представителей неправительственных организаций, задержанных и расследованных правоохранными органами, заставили меня заключить, что на данном этапе не было уместным или желательным попытаться выяснить ситуацию межэтнических отношений в Оше «из первых рук» (там же: 22).

Как показали некоторые статьи в данном цикле статей, а также растущий объем научных исследований, узбекские сообщества в Оше и его окрестностях постоянно сталкивались и сталкиваются с необходимостью прекращения своего политического участия, ведения деловых операций и даже самого присутствия в общественных местах города Ош, которые до 2010 г. делились между всеми жителями (Исмаилбекова и Каримова 2018, Мегоран 2013). Хуже того, события 2010 года и неправомерные действия после них во многих случаях так не были разоблачены и даже продолжают препятствовать более устойчивому процессу примирения (Беннетт 2016).

В этом свете истина, которую должны принять все исследователи – те, кто документирует эту несправедливость, так и те, кто чувствует себя неспособными сделать это – заключается в том, что несправедливость будет продолжаться каждый день, час и минуту. Что мы можем сделать в свете такого продолжающегося структурного и даже буквального насилия, если не предпримем радикальных действий? Эта дилемма довольно похожа с часто наблюдаемым раздвоением между миром общественных активистов, чья жизнь посвящена борьбе за более справедливый мир, и, с другой стороны, миром научных исследователей, которые более отдалены от такой борьбы, поскольку они должны учитывать риски в плане учебы, административных процессов и научных публикаций.

Как утверждала Лара Монтесинос Коулмэн (2015), такое раздвоение борьбы активистов и ученых не должно приводить к отчаянию, а может поддерживаться в диалогическом и взаимоподдерживающем отношении, если мы примем «этос критики». То есть, признавая присущие нашим действиям ограничения и способность влиять на статус-кво, мы можем продолжить - или, в первую очередь, начать - дебаты о том, что можно сделать, чтобы медленно, но постепенно раскрывать, подрывать и разрушать силы, сохраняющие нынешнюю несправедливость. Десять лет спустя позиция властей в отношении их нарратива о событиях 2010 года, по-видимому, практически не изменилась, о чем свидетельствует недавнее решение Верховного суда оставить в силе приговор Азимжона Аскарлова (Риттманн 2020). В этом свете, активистам, ученым и общественности необходимо принять совместный и взаимоподдерживающий подход к борьбе против несправедливости и за восстановление голосов и жизненных реалий людей, пострадавших от событий 2010 года. Я вместе с другими участниками этой дискуссии надеюсь, что данное обсуждение могло бы послужить еще одним шагом к такой совместной и солидарной повестке дня.

Библиография:

Бейшенбек кызы, Элеонора (2014) В Оше приостановлена деятельность Freedom House [Work of Freedom House Is Suspended in Osh], Azattyk, 07.10.2014, вход выполнен 08.06.2020, <https://rus.azattyk.org/a/26624129.html>

Бекмурзаев Нурбек, Лоттхольц, Филипп и Джпшуа Мейер (2018) Справляться с аспектами безопасности проведения исследования и участия в нем в Кыргызстане: сотрудничество, сети и формулирование [Navigating the safety implications of doing research and being researched in Kyrgyzstan: cooperation, networks and framing], *Обозрение Центральной Азии*, 37 (1), 100-118.

Беннетт, Уиль (2016) «Все можно терпеть, кроме несправедливости» [‘Everything Can Be Tolerated – Except Injustice’], Отчет Сейфериорлд, Март 2016 г., вход выполнен 08.06.2020, <https://www.saferworld.org.uk/resources/publications/1050-ldquoeverything-can-be-tolerated-ndash-except-injusticerdquo>

Коульмэн, Лаура Монтесинос (2015) Этнография, приверженность и критика: отход от активистского исследования [Ethnography, commitment, and critique: Departing from activist scholarship], *Международная политическая социология*, 9(3): 263-280.

Исмаилбекова, Аксана и Бактигуль Каримова (2018) Этническая дифференциация и динамика конфликтов: маргинализация и немаргинализация узбеков на юге Кыргызстана [Ethnic differentiation and conflict dynamics: Uzbeks marginalization and non-marginalization in southern Kyrgyzstan] // *Пониманию города через его границы: междисциплинарные перспективы из тематических исследований в Африке, Азии и на Ближнем Востоке [Understanding the City Through Its Margins: Pluridisciplinary Perspectives From Case Studies in Africa, Asia and the Middle East]*, под ред. Шаппатта, Андре, Фрейтаг, Ульрике и Нора Лафи, Лондон: Рудледж, 161–184.

Лоттхольц, Филипп (2017) Договариваться о несвободе: (авто-) этнография жизни на переднем крае производства академических знаний [Negotiating unfreedom: An (auto-) ethnography of life at the forefront of academic knowledge production], *Междисциплинарные политические исследования*, 3(1): 77-107.

Лоттхольц, Филипп (2018) *Постлиберальное строение государств в Центральной Азии: деколонизальная перспектива на практики безопасности сообществ и воображаемые общественного порядка в Кыргызстане [Post-liberal statebuilding in Central Asia: A decolonial perspective on community security practices and imaginaries of social order in Kyrgyzstan]*, докторская диссертация, Университет Бирмингема.

Мегоран, Ник (2013) Общее пространство, разделенное пространство: повествование этнической истории Оша [Shared space, divided space: Narrating ethnic histories of Osh], *Окружающая среда и планирование А*, 45 (4): 892–907.

Мец, Сергей (2015) Умар Фарук и киргизское «дело правозащитников»: главное - изъять документы и депортировать [Umar Faroq and the Kyrgyz “case of human rights activists”: The main Goal is to confiscate documents and deport], ИА Фергана, вход выполнен 08.06.2020, <http://www.fergananews.com/articles/8471>

Риттманн, Мира (2020) “Even though I am in prison, I feel the freedom of my soul” [«Несмотря на то, что я нахожусь в тюрьме, я чувствую свободу своей души»], openDemocracy,

13.05.2020, вход выполнен 08.06.2020, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/azimjon-askarov-prison-interview-kyrgyzstan/>

Уилкинсон, Клэр (2015) Воображение национальности и государственности Кыргызстана: реакция на насилие в Оше в 2010 году [Imagining Kyrgyzstan's Nationhood and Statehood: Reactions to the 2010 Osh Violence], *Журнал Национальности*, 43(3): 417–436.